

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

А Л Ъ М А Н А Х И

ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ШИЦОВНИКЪ“

Книга 18.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912,

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ПЯТАЯ ЯЗВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛЮДСКОЙ ПУТЬ

Въ Студенцѣ можно жить всякому, смотря по карману.

Въ Студенцѣ Бобровъ не новичекъ: двадцать лѣтъ безъ малаго служить Бобровъ слѣдователемъ. Двадцать лѣтъ—не годъ, за такой срокъ къ чему не привыкнешь, а, между тѣмъ, изъ всѣхъ жителей студенецкихъ едва ли найдется еще кто, ну самый послѣдній, ну, какой-нибудь Пашка-Папѣнъ—изъ бывшихъ пажей босякъ мѣстный, о комъ бы говорилось съ такимъ раздраженіемъ,—о слѣдователѣ Бобровѣ всякій разъ такъ говорилось, словно впервые онъ на зубъ попался.

Александръ Ильичъ Антоновъ, студенецкій исправникъ, на что ужъ, кажется, крутъ, а ничего.

— Баринъ ничего, только коготкомъ бьется!—говорить про своего барина Филиппъ кучеръ.

А старикъ городской Лукьяновъ столь же благодунно и не безъ достоинства шевелить своею щетиною:

— Я устоялъ, потому что подъ Шипкою былъ.

Исправникъ бьетъ ладонью по шеѣ—такой приѣмъ—и виновный отъ неожиданности тутъ прямо носомъ и тыкался, или, выставивъ костяшки средняго пальца, хватить тебя подъ подбородокъ, что ужъ вѣрнѣе и самого лагутинскаго кулака, а ставной Лагутинъ—крѣпкорукъ, если въ сердцахъ, такъ тарарахнеть, черезъ стѣнку пролетишь.

Слѣдователь Бобровъ за всю свою службу пальцемъ никого не тронулъ, ну хоть бы такъ видъ сдѣлалъ—погрозилъ кому, и

даже такихъ пустяковъ не слышно: у слѣдователя, когда онъ допрашиваетъ, руки всегда на столѣ,—пальцы сухіе, долгіе, какъ пристыли.

Тоже и пить—пьянымъ Боброва никто не видалъ.

А въ Студенцѣ кто не пьетъ! Полицейскій докторъ Торопцовъ Иванъ Никанорычъ, человѣкъ еще и совсѣмъ не старій, а за веселые деньки ноги у него, какъ тумбы, негибаются. Петруша Грохотовъ—Райская птица, ветеренаръ, ну этому что триста, то и три рубля, все одно, самый главный заводило, да и благодѣтель его, провизоръ Адольфъ Францевичъ Глейхеръ,—Петруша, угождая, величаетъ нѣмца свѣтиломъ учености,—пьетъ аптекаръ собственнаго изготавленія, составленную изъ отравнаго зелья да изъ миксуръ горькихъ, какую-то такую крѣпость, пойло, что ужъ безъ всякихъ шутокъ чтить себя первымъ мудрецомъ и химикомъ—кругосвѣтнымъ Менделѣевымъ. Александръ Ильичъ, исправникъ, тоже не дуракъ выпить, правда, съ приобрѣтеніемъ у Жердева Чортовыхъ садовъ клятвенное обѣщаніе исправничихъ далъ, Марѣ Северьяновнѣ, ничего и ни подъ какимъ видомъ въ ротъ хмельного не брать и, пока что, съ самага Воздвиженья стойко обѣтъ несетъ. А кладбищенскій попъ Спасовходскій—Сокрушенный, впадъ во искушеніе отъ пьянственнаго бѣса, до того допился, что голосъ у него однажды остановился, и три недѣли молчалъ попъ, не могши ни слова сказать, ни распорядиться, а заговорилъ вдругъ, когда попадья, испробовавъ всѣ средства къ оголошенію батюшки, рѣшилась на крайнюю мѣру и послѣднюю: вынула матушка изъ шифоньерки двадцатипятирублевую бумажку, зажгла свѣчку и на глазахъ у попа стала жечь бумажку,—попъ и заговорилъ. Да чего тамъ, всѣ попиваютъ; и дома, и въ гостяхъ, и въ клубѣ первое удовольствіе выпить—пьютъ до широкаго свѣта.

И пить будто не выпиваетъ, пьянаго за дѣломъ Боброва не видали, на службѣ трезвъ, и словъ такихъ неподходящихъ никто отъ него и никогда не слышалъ.

А въ Студенцѣ за такимъ словомъ въ карманъ не лезали, умѣли словцо заколотить: и такъ и этакъ самыми неудачными словами бранились, оскорбляя память родителей, и ужъ такъ неосторожно иной выразится, что хоть тащи его къ мировому. Городской судья Налимовъ Степанъ Степанычъ—

Матюганскій надѣнетъ себѣ на шею цѣпь да такое другой разъ выпалить, такъ затакаетъ, инда въ жаръ тебя бросить. А Сокрушенный попъ, какъ заговорилъ тогда, такъ съ тѣхъ поръ все своими именами и называетъ, ничѣмъ не стѣсняясь, ни мѣстомъ, ни лицомъ, ни временемъ, и, хоть на войнѣ и не былъ, а прямо какъ по военному можетъ. А учитель духовнаго училища Шведовъ, развлеченія ради, съ Петрушей Грохотовымъ передѣлалъ всю хрестоматію Поливанова по своему и совсѣмъ подъ стать судьѣ Налимову,—для старшаго возраста, и ужъ въ такомъ неприличномъ видѣ ходила по рукамъ эта хрестоматія, стихи переписывались и заучивались старательно. Телеграфистъ Вася Кабанчикъ, хоть и съѣлъ облизня, но въ одномъ отношеніи, по имуществу своему, какъ выражался Сачковъ, портной студенецкій, личность весьма примѣчательная, сердцемъ простъ, и по сей день вѣруетъ, что любимый клубный романсъ Не говори, что молодость сгубила—поютъ его хоромъ въ чувствительную минуту податной Стройскій, агрономъ Пряткинъ, секретарь земской управы Нѣмовъ и Грохотовъ Петруша—самый и есть стихъ настоящій некрасовскій, а не шведовское переложеніе для старшаго возраста.

Нѣтъ, кого другого, а ужъ слѣдователя на томъ свѣтѣ не погонять въ заднія муки, не сидѣтъ ему въ озерѣ огненномъ.

И безобразій за Бобровымъ никакихъ не слышно.

А то другой и складенъ и все, какъ слѣдуетъ, а возьметъ, да и выкинетъ, да такое, что и родныхъ не узнаешь. Купецъ Тяжелкинъ—магазинъ готоваго платья—купецъ, какъ купецъ, а вставилъ у себя въ лавкѣ большія зеркальныя стекла и на радостяхъ что ли, чортъ его не знаетъ, или по природному безобразію своему раздѣлся и, какъ есть, нагишомъ сталъ въ базарный день у кассы всѣмъ на виду. Или Пашка-Папанъ—босякъ, ну, этоть—шантрапъ, за стаканъ водки готовъ сдѣлать все, что угодно, рубашка по поясъ и всѣ мелочи наружу, никуда отъ него не скроешься, какъ банный листъ.

— Мадамъ, вы должны заплатить двугривенный, а то опозорю!—изводитъ которую-нибудь чиновницу, пока своего не получить.

А для мѣщанокъ свой сказъ:

— Хочешь закричу, что ты гулящая, давай пяточокъ!

И даютъ, ничего не подѣлаешь.

Смѣшно сказать, чтобы за Бобровымъ что-нибудь такое случилось: нѣтъ за нимъ и безобразій, нѣтъ никакихъ несуразностей.

Опаринъ, голова студенецкій, своя гостиница, его же и номера Барашкова, ктиторъ соборный, а такую взялъ повадку—не иначе просыпаться, какъ подъ зыкъ звонный и, хоть лей ты на него холодную воду и хоть шпарь кипяткомъ, глазъ не раскроетъ, только-что трубнымъ звукомъ и возможно съ одра поднять. А пономарь соборный Фараонъ для протрезвленія кровь изъ себя выпускаетъ, ковыряя въ носу: кровь покажется и будто бы въ разумъ приходитъ. Тоже и Ивановъ купецъ, покойный Максимъ Максимовичъ, рыбой торговалъ тухлянкой, взѣлся на дочь Зинаиду и заказалъ ей, чтобы не смѣла она у него куса хлѣба брать, а когда онъ помретъ, не смѣла бы ходить на его могилу, да такъ и въ духовной прописалъ. Или молодой Зачесовъ,—о зачесовой свадьбѣ съ годъ говорили! Въ день вѣчанья своего послѣ ужина вышелъ Зачесовъ во дворъ прохладиться, очень ужъ жарко было, да и пропалъ. На утро хватились: гдѣ, что?—а молодая одна, ничего не знаетъ, плачетъ.

— Вышелъ,—говорить,—прохладиться и пропалъ

Бросились искать, туда-сюда, все ошарили,—нѣтъ нигдѣ. Отецъ ужъ и денегъ не жалѣетъ, только-бъ найти, сто рублей сулилъ, кто сына найдетъ. До трехъ часовъ искали и нашли таки: на Медвѣжинѣ на рѣкѣ на берегу подъ лодкой спить. Холодка искалъ, ну, и хорошъ!

Несуразностей за Бобровымъ нѣтъ, и на руку чистъ Бобровъ.

А нынче съ такой доблестью много-ль кого сыщешь: берутъ, сколько рука выможетъ. Взять хоть члена управы Семена Михеича Рогаткина, такъ у податного Стройскаго нѣтъ для Рогаткина другого имени, одно прозвище—жуликъ, прямо въ глаза и гласно такъ и величаетъ:

— Жуликъ, мое почтеніе!

А Воздвиженскій батюшка о. Амвросій антиминосъ старовѣрамъ продалъ:

— Куда,—говорить,—мнѣ такую святыню!—и продалъ.

Сказывали послѣ, антиминосъ этотъ воздвиженскій старовѣрамъ влетѣлъ въ копейку.

Жизнь что ли тяжела стала, развелось ли много безработныхъ, что работу некоторую не работаютъ, ѣдятъ труды чужіе, Богъ одинъ вѣсть, только этимъ дѣломъ не заниматься, скоро чуть ли ужъ не въ грѣхъ вмѣнять будутъ.

Нѣтъ, и въ рѣкѣ огненной среди татей и разбойниковъ, тамъ не мѣсто слѣдователю.

И на руку чистъ Бобровъ и не путанникъ какой, ни шашней за нимъ, ни такъ какихъ знакомствъ не замѣчали, и только что по должности слѣдователь, а, ей Богу, священствовать бы ему въ Тихвинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ вмѣсто о. Харитона.

Всякій знаетъ, что Прасковья Ивановна, слѣдовательша, женщина невзыскательная—гостиница несонная, и ни для кого не тайна, что только и есть слѣдовательская дочка первая Паша, а другія, хоть и Бобровы, а вовсе не бобровскія: Анюта и Катя—товарища прокурора, Зина—лѣсничаго, а младшая Саня—податного. Податной Стройскій, студенецкій ухаживатель, Донъ Жуанъ, любитель поразсказать въ клубѣ о своихъ походахъ и во всѣхъ подробностяхъ, не обошелъ и Прасковью Ивановну и не мало вечеровъ посвятилъ ей. О. Николай Виноградовъ, протопопъ соборный, какъ-то бесѣдуя за трапезой въ кругу друзей своихъ и пріятелей, признался, что бобровское воздержаніе—явленіе необычайное, а Бобровъ—феноменъ. А дѣлопроизводитель полицейскаго управленія Петроуховъ, искусный въ холощеніи котовъ, какъ-то въ шутку, конечно, перебирая чиновъ студенецкихъ, Боброва совсѣмъ исключилъ, не на шутку полагая, что тутъ ему, по его части, дѣла быть не можетъ. Ну, Петроуховъ, что Шведовъ учитель, въ блудъ вверженъ, все по своему передѣлаетъ, но о. Николай не таковъ, разумомъ сѣдъ,—слово протопопа глубинномудростно: Бобровъ феноменъ.

Еще бы! Стоитъ только подумать, что въ загробномъ видѣніи писано о то-свѣтномъ мѣстѣ, гдѣ томятся блудники и прелюбодѣи грѣшники, о блудномъ царствѣ, сколь необозримо оно, и нѣтъ его больше и обширнѣе, и нѣтъ его тверже и сильнѣе! Значитъ, самимъ Богомъ такъ указано, да иначе и быть не можетъ, и развѣ что обратить грѣхъ этотъ на пользу человѣкомъ. Старецъ Шапаевъ, праведенъ и святъ мужъ, не въ волѣ своей ходить, а путемъ Господнимъ, и по любви, старецъ такъ и сдѣлалъ, и ужъ не шумурѣтъ, не шопотомъ лѣчитъ, не на-

говоромъ на масло, не травами, не бобомъ, не двѣнадцатю ключами, какъ бабушка Двигалка—Филиппѣва, лѣчитъ старецъ Шапаевъ блудомъ.

И благонадеженъ Бобровъ, никакихъ даже и въ поминѣ за нимъ не было дѣлъ ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни на службѣ, чистъ Бобровъ, какъ поцѣлуй ребенка, по отзыву исправника, а на бобровскую кинарку, выпѣвающую нашъ русскій гимнъ, зарится самъ Нахабинъ.

Моровой батюшка отъ вседневной обыденной церкви, членъ училищнаго совѣта, о Ландышевѣ, ко всякой дырѣ гвоздь, открылъ союзный отдѣлъ въ Студенцѣ и первымъ дѣломъ занялся провѣркой жителей. И Нѣмовъ, секретарь управы, издавна числящійся подъ надзоромъ, попалъ въ крестовый списокъ опасныхъ крамольниковъ, туда же попалъ и бывший статистикъ Смѣлковъ, неизвѣстно для чего собирающій птичьи яйца, туда же попалъ и опаринскій конторщикъ Кулепатовъ, за пѣніе свое вставай-подымайся, и три городскихъ учителя: Сарычевъ, Глушковъ и Пыхачевъ—выписывали учителя вскладчину журналы и читали ихъ вслухъ отъ доски до доски, и заштатный юродствующій попъ Песоченскій за то, что на первой недѣлѣ Великаго поста на идолобѣсіе уклонился, забывъ заповѣди Божія:—„позволилъ себѣ попъ предаваться пьянству, увеселеніямъ, танцамъ, пѣнію нескромныхъ пѣсень и лакомству жареннаго поросенка“. А Бобровъ—Бобровъ не попалъ.

Какъ ни рылся, какъ ни копался попъ Ландышевъ, а найти нреступнаго ничего не могъ: церковь, правда, Бобровъ не часто посѣщалъ, но зато въ табельный день всегда первый на молебнѣ. Почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ не разъ вскрывалъ письма и бандероли Боброва и такъ, по исконному обычаю почтовому, и по просьбѣ Ландышева, но все было дозволено и придраться не къ чему: изданія Археографической коммисіи, Русской исторической библіотеки, Общества любителей исторіи и древностей россійскихъ и всякіе труды Академіи наукъ главнымъ образомъ.

И притомъ Бобровъ такой рѣдкій законникъ, ты скажи до Лыкова и въ самомъ Лыковѣ такого, пожалуй, мудрено найти: знаетъ Бобровъ наизусть не только законы всѣ—сводъ госу-

дарственныхъ законовъ, но и какія ни на есть касационныя рѣшенія сената.

Николай Васильевичъ Салтановскій, земскій начальникъ, тоже законникъ, въ сѣздѣ только и знаетъ, что у пріятеля своего уѣзднаго члена Богоявленскаго о статьяхъ спрашивается, нѣтъ ли такихъ, что построже, и, кажется, будь его полная воля, и самого себя лишилъ бы всѣхъ правъ состоянія. Да все это одна безтолочь, безтолочь и ерунда, и недавно еще купавскаго мужика къ каторгѣ присудилъ онъ на четыре мѣсяца, ну, виданно ли это гдѣ, на четыре мѣсяца къ каторгѣ, не хуже урюпинскаго земскаго начальника Крупкина, который за зайца штрафъ двадцать пять рублей кладетъ на всякаго охотника. Членъ Богоявленскій цыкаетъ на пріятеля, зарвавшася въ законности, и, хоть дружелюбно, по пріятельству, да не хорошо все-таки, ну, а Боброву еще никто въ глаза брысь не говорилъ, да и не за что, да и невозможно: либо языкъ прикусишь, либо словомъ подавишься. Онъ тебѣ сумѣетъ отклонуться, его, небось, не обведешь вокругъ пальца, на такого ногой не наступишь—колокъ, рѣчисть, смѣлъ.

А бобровская строгость, бобровское судебное безпристрастіе, да отца родного подвелъ бы на висѣлицу, разъ законъ того потребовалъ бы, мать родную не пощадилъ бы, попадись такой случай преступный, помереть готовъ на своей правдѣ, тѣло свое дастъ на раздробленіе, крѣпокъ, стоекъ въ своемъ словѣ, въ два пути не нойдетъ—моль на немъ всѣ зубы поломаетъ, какъ говорилъ покойный голова Талдыкинъ. А точность,—статью не перепутаешь, точка въ точку, буква въ букву и самое путанное перепутанное дѣяніе твое подъ статью подведетъ; и неутомимая цѣпкость,—за волосокъ ухватится и до корня дойдетъ, все на чистую воду выведетъ, проныръ какой-то; и чутье пёсье,—носомъ по воздуху учуетъ, такъ носомъ къ норѣ, къ гнѣзду разбойному и придетъ, и ужъ ты прячься не прячься, какъ не хоронись, а Боброву въ руки попадешься, Бобровъ тебя сцапаетъ.

Кто изловчится поймать вора?—Бобровъ.

Бобровъ умѣлъ дѣлать то, за что никто не умѣлъ взяться.

И кажется, искать такого слѣдователя да поискать, да мало, и ужъ въ награду либо ему заживо памятникъ гдѣ на площади поставить, обелискъ какой египетскій, какъ въ Лыковѣ губерна-

торъ Оладѣинъ воздвигъ въ знакъ заслугъ своихъ на память себѣ и въ поученіе потомству, либо выбрать его почетнымъ гражданиномъ города Студенца, какъ выбрали лѣсопромышленника Нахабина, который въ собственномъ автомобилѣ въ Лыковѣ ѣздитъ туда и обратно. Какой тамъ памятникъ, какое почетное званіе, куда ужъ!

Четыре страшныя язвы: пагуба, губительство, тля, запустѣніе, а пятая язва студенецкая—бичъ и истребитель рода человѣческаго—слѣдователь Бобровъ.

Всякій разъ, когда въ клубѣ ли, въ гостяхъ ли истощался разговоръ, а въ молчанку играть было не совсѣмъ удобно, да и неприлично: кто молчитъ, по студенецкому значить, дуракъ, всякій разъ въ такія дурацкія минуты приходилъ на умъ слѣдователь Бобровъ, и начиналось перемываніе бобровскихъ косточекъ. А такъ какъ самъ Бобровъ ни въ какія другія отношенія съ обществомъ не вступалъ, кромѣ дѣловыхъ, то изъ всѣхъ подскрѣбовъ, подскрѣбковъ, слуховъ, подслушанныхъ оговоровъ собиралось самое сумасбродное добро для судовъ, рядовъ и пересудовъ, больше прохаживались насчетъ отношеній Боброва къ женѣ, къ слѣдовательшѣ Прасковѣ Ивановнѣ.

Рогачъ—вотъ что чаще услышишь, когда заходитъ рѣчь о Бобровѣ.

И съ какимъ хихиканьемъ, съ какими ужимками, съ какимъ гоголомъ обезьянскимъ выговаривался этотъ Рогачъ, но знали прозвище и другое, почуднѣй Рогача—Оглодокъ.

Былъ въ Студенцѣ нѣкто Исовъ доброписецъ, ходатай по дѣламъ, человѣкъ базарный, прошенія писалъ на базарѣ, онъ же и космографъ—когда бывало солнечное затменіе, стекла коптилъ. Въ своемъ драповомъ пальто и картузномъ кэпи, съ своимъ вздернутымъ хрящеватымъ носомъ и козлиной бородкой, шатался Исовъ по базару, помахивая красными длинными руками,—лѣвая переломленная.

— Я, какъ пеликанъ,—говорилъ Исовъ, скашиваясь на свою переломленную руку.

Этотъ-то Пеликанъ-Исовъ и прозвалъ слѣдователя Оглодкомъ.

Пеликанъ—совершенно вѣрно, живой пеликанъ, но причемъ же оглодокъ—Бобровъ Оглодокъ?

Все сіяло на немъ, безукоризненно чистое бѣлье, безупречная во всемъ опрятность, ровно подстриженная борода, не очень коротко, не очень длинно, въ мѣру, ровный безъ хрипинки голосъ—отчетливый чистый русскій говоръ и безъ высокаго лыковского оканья, и безъ московскихъ пряниковъ, чисто, какъ надо, и улыбка одна и та же, блеснетъ и заморозитъ, а идетъ шибко и строго—начальный человѣкъ, а когда станетъ и когда садится, когда руку подастъ, такая во всемъ увѣренность, ровно за плечами Петропавловская крѣпость.

Нахабинъ не разъ въ разговорѣ съ губернаторомъ не то, чтобы жаловался, нѣтъ, а такъ къ слову поминалъ слѣдователя и не очень лестно. Нахабинъ ссылался на всякіе студенецкіе слухи, и что слѣдователь какой-то неудобный. Студенецкій предводитель Бабахинъ отзывался о Бобровѣ, какъ о человѣкѣ непріятномъ. Моровой батюшка о. Ландышевъ писалъ и въ Петербургъ и въ Москву, и всѣ ландышевскіе извѣты намекали на какую-то тайную, ничѣмъ неуловимую душетлительную дѣятельность Боброва, отъ гордыни и высокоумія проистекающую. И прокурорскій надзоръ не былъ доволенъ слѣдователемъ, но замѣчаній ему сдѣлать не могъ: и не въ чемъ и не за что.

Словно по тайному уговору всѣми чувствовалось тяжелое что-то, неудобное, камень, и такое обузное, будь хоть какая возможность придраться, придрался бы и сбросилъ бы съ себя эту обузу, камень, и было-бъ какъ-разъ то самое, чего такъ всѣми хотѣлось. Всѣ донесенія, доносы, кляузы, ябеды, извѣты, всѣ разговоры и толки сводились къ тому, чтобы убрать изъ Студенца слѣдователя. Жить съ Бобровымъ въ братствѣ и пріязни никто не соглашался.

И неоднократно приступали къ начальству, но сокрушали рѣги свои.

Бобровъ никакихъ повышеній не получалъ, никакихъ наградъ, но и переводить изъ Студенца его не переводили: окружный судъ всегда становился на его сторону, цѣня въ Бобровѣ слѣдователя.

Что же такое, кому и чѣмъ мѣшаетъ Бобровъ, чей вѣкъ заѣлъ, кому сталъ поперекъ дороги?

Живетъ онъ себѣ самъ по себѣ, ни въ дразги не встречается, ни въ какія исторіи не впутывается, никого не ссоритъ,

никого не мирить, и не крестить и не вѣнчаетъ, и самъ не соорится и самъ не дружить. Онъ свое дѣло дѣлаетъ и дѣлаетъ его честно со всею строгостью безъ единой поблажки, никому не льгота безъ всякихъ попущеній, и другого большаго знать не знаетъ и знать не хочетъ. Ему никого не надо, ни на что онъ не жалуется, никому и ни о чемъ не плачется, онъ свое дѣло дѣлаетъ честно, а живетъ себѣ самъ по себѣ.

Да за что же такое?

Праведенъ, только что нѣтъ осіянія—вѣнца славы вокругъ его головы... да кто же онъ? Богоненавистникъ, христопродавецъ, врагъ Божій, врагъ проклятый, пятая страшная язва—бичъ и истребитель рода человѣческаго? И этотъ Рогачъ, этотъ Оглодокъ, этотъ обезьянскій гоготъ, это хихиканье, эти недобрые взгляды?

Въ чемъ же дѣло?

А вотъ, вѣрно, въ этомъ... въ этомъ-то и дѣло, въ этой жизни его про-себя, въ этой замкнутости его, въ этой его особенности, въ томъ, что ни кумъ, ни свать, ни пріятель, самъ, одинъ, онъ—Бобровъ. Вотъ въ этомъ-то самомъ, отчего человѣка простого, ну карты тамъ и всякіе грѣшки за нимъ, и коготокъ и еще кое-что, исправника Александра Ильича Антонова съ души воротить.

Терпѣлъ Александръ Ильичъ, терпѣлъ и при всемъ благодушіи своемъ дошелъ таки до концовъ, вызвалъ къ себѣ „пажа“ Пашку-Папана—и за двадцать пять копеекъ къ общему удовольствію босякъ высадилъ окна слѣдователю.

Ровно въ десять Бобровъ въ своей камерѣ и въ десять вечера подымается къ себѣ на верхъ. Для писаря есть обѣденный перерывъ, но самъ онъ остается въ камерѣ, въ камерѣ и чай пьетъ за столомъ, покрытомъ чистой свѣжей клеенкой. Кипы бумагъ и дѣлъ на столѣ. Бобровъ надѣваетъ золотое пенснэ и подписываетъ бумагу за бумагой. Около стола его въ полу сдѣлалось углубленіе, тамъ стоятъ арестанты: ихъ много приводятъ всякихъ. А онъ сидитъ прямо, руки на столѣ,—пальцы сухіе, долгіе, какъ пристыли, спрашиваетъ ровнымъ голосомъ съ окаменѣвшимъ неподвижнымъ лицомъ и глядитъ прямо въ глаза, съ кѣмъ бы ни говорилъ. Лыковскій товарищъ прокурора смущается отъ этого ровнаго голоса и прямого взгляда, а лыковскій

товарищъ прокурора—извѣстная собака. Писаря у Боброва долго не служатъ, часто мѣняются, не выносятъ бобровской замкнутости, и Пармень Никитичъ Каріевъ, теперешній письмоводитель, и мѣсяца не прослуживъ, подыскиваетъ другое мѣсто. А Бобровъ все сидитъ, такъ безъ малаго двадцать лѣтъ сидитъ, прямо, прямой, окаменѣлый весь, и воротнички его кажутся, какъ камень, и голосъ—слова падаютъ, какъ камень.

Всякій виновный зналъ, что изъ камеры Боброва одна дорога—въ острогъ. Одна дорога, другой не было, а третьей не будетъ. И, переступая слѣдовательскій порогъ, всякій обвиняемый прощался съ волей: вернуться домой не было надежды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КОНЦЫ ЗЕМНЫЕ

Сергѣй Алексѣевичъ Бобровъ—лыковскій: родился онъ въ Лыковѣ, и въ гимназіи учился въ Лыковѣ, и женился въ Лыковѣ, и служба его началась въ Лыковѣ.

Отецъ его служилъ бухгалтеромъ въ казначействѣ, очень точный былъ человекъ и за свою точность опекуномъ состоялъ у людей богатыхъ и большія деньги на рукахъ держалъ, и всѣ его уважали. А кончилъ старикъ нескладно, запутался въ чемъ-то и ужъ безъ мѣста дожилъ свои послѣдніе дни.

Несчастье съ отцомъ не получило бы такой огласки, не вызвало бы столько шума и того злорадства, какое пробуждается у людей непотерпѣвшихъ къ облихованному человеку, не будь за отцомъ такой безупречной славы.

Но это ужъ въ концѣ дней отцовскихъ, а до тѣхъ поръ былъ отецъ въ чести и славѣ, и домъ Бобровыхъ былъ на хорошемъ счету.

Въ домѣ у Бобровыхъ муху было слышно.

Въ домѣ ходили на цыпочкахъ и отецъ, и сынъ, и прислуга: надо было охранять Марью Васильевну, мать, которую и муха могла обидѣть.

Все и дѣлалось для одной Марьи Васильевны.

А Марья Васильевна, уставившись въ одну точку, по цѣлымъ долгимъ томительнымъ тяжкимъ часамъ сидѣла, молча, не двигаясь, на диванѣ.

Такой помнитъ мать свою Бобровъ, и это его первая, на всю

жизнь сохранившаяся память изъ далекихъ первыхъ дней, первой горести, когда онъ, только-что научившись молиться за папу и маму, не могъ самъ по себѣ рѣшить, можно ли и надо ли молиться за лавочника Желткова, у котораго въ лавкѣ такой вкусный лыковский пряникъ; когда онъ, бывало, возьметъ между ногъ полѣно, да съ полѣномъ по двору, что, говорятъ, на конѣ ѣздить; когда онъ изъ кубиковъ на полу печку складывалъ и разъ чуть пожара не сдѣлалъ.

И еще вспоминаются ему ночи, просыпается онъ ночью отъ какого-то рѣжущаго сухого всхлипа и съ захолонувшимъ сердцемъ открываетъ глаза: мать сидитъ на постели, а около на стулѣ сидитъ или стоитъ надъ кроватью отецъ и что-то все говоритъ и, кажется, все одно и то же, одни и тѣ же слова, то скоро, то тише, потомъ, какъ маятникъ, ровно. И такъ до разсвѣта, когда мать засыпала, а отецъ, закутавъ ее въ три одѣяла и такъ подтыкавъ кругомъ, чтобы и щелки клопиной не оставалось, долго и часто крестилъ ее, долго прислушивался и, сгорбившись, на цыпочкахъ выходилъ въ сосѣдную комнату и тамъ, не раздѣваясь, только что безъ сапогъ, ложился на диванъ, и какъ-то виновато—на самый краешекъ, и должно быть, жестоко трясло его, потому что, и одѣтый, съ головой кутался въ свое сѣрое одѣяло и все ворочался, поджимая ноги, пока не свертывался клубкомъ.

И такія ночи повторялись.

Ночи повторялись не часто, но при всей тяжести ихъ, казалось, часто, и привыкнуть къ нимъ нельзя было.

Мальчикъ Бобровъ ни разу ничѣмъ не обнаружилъ, что въ такія ночи и онъ не спитъ, не спитъ и все видитъ. До крови прикусывалъ онъ себѣ губу, чтобы сдерживать слезы, и было ему жалко, и жальче ему было мать.

На другой день, когда послѣ тяжелой ночи мать, уставившись въ одну точку, молча, сидѣла на диванѣ, онъ все вертѣлся передъ ней, по собачьи юлилъ передъ ней и въ глаза ей заглядывалъ,—и она смотрѣла на него и не видѣла. И онъ тихонько отходилъ въ уголокъ и тихонько складывалъ кубики, строилъ печку.

Ну, что бы ему въ такія минуты приласкать ее, рученками своими охватить ее крѣпко-на-крѣпко!

Или кто-то тяжело обидѣлъ ее, или совсѣмъ не обидѣлъ, а такую пустилъ въ міръ жить, и вотъ передъ нею—одна тяжелая ночь.

Что-то смутно копошилось въ его дѣтской душѣ, и было ему жалко, а выхода жалости не было. Онъ тихонько складывалъ кубики, строилъ печку, пока сама мать не замѣчала его.

И тогда было очень весело, и все забывалось.

— Грубый вы человѣкъ!—какъ-то ночью однажды сказала мать отцу.

Это онъ услышалъ ночью, въ тяжелую ночь, и съ тѣхъ поръ стало ему отца жалко, какъ было жалко мать, и сталъ онъ слѣдить за отцомъ.

Когда въ домѣ бывало благополучно—Марья Васильевна молча не сидѣла на диванѣ, а что-нибудь дѣлала—рукодѣльные чала или читала книжку, отецъ обыкновенно смѣшное все рассказывалъ и всѣхъ представлялъ, отчего сама Марья Васильевна смѣялась, но послѣ тяжелыхъ ночей отецъ притихалъ, и ужъ никакихъ разговоровъ въ домѣ не было слышно.

Однажды въ сумерки мальчикъ тихонько вошелъ къ отцу въ его комнату, отецъ не сидѣлъ за бумагами, какъ всегда, а стоялъ передъ образомъ. Висѣла въ его комнатѣ надъ столомъ большая икона Божьей Матери, старинная, почернѣвшая вся, золотомъ писанная—Величитъ душа моя Господа. Стоялъ отецъ передъ Божьей Матерью и какъ-то чудно—голова его крѣпко была вдавлена въ плечи, словно силился онъ поднять неподъемную тяжесть, а когда обернулся, слезы дрожали въ глазахъ.

— За мамочку!—виновато сказалъ отецъ,—за мамочку, чтобы ей легче было, а мнѣ ничего, мнѣ болѣзнь пускай всякія, я за мамочку.

„Грубый вы человѣкъ!“—не выходили изъ головы слова матери, и, вспоминая ихъ, онъ видѣлъ отца передъ образомъ, какъ молился отецъ за мамочку, и сейчасъ же видѣлъ мать, какъ ночью плачетъ мать безпомощно.

„Грубый вы человѣкъ!“—повторялись слова матери.

У матери на душѣ что-то тяжелое, а отецъ въ чемъ-то виновенъ, но въ чемъ тяжесть ея и въ чемъ вина его, мальчикъ

не могъ разобратъся и, складывая кубики—печку свою, все думалъ и думалъ, а сердце ныло отъ жалости.

И однажды онъ положилъ въ печку щепокъ, досталъ спичекъ и зажегъ...

Придя въ возрастъ, когда ужъ вмѣстѣ съ отцомъ сталъ онъ охранять мать, понялъ Бобровъ, что отецъ его самый обыкновенный, какихъ въ Лыковѣ сколько угодно, и звѣздъ не хватаетъ съ неба и всякіе грѣшки за душой. а мать—другой такой въ Лыковѣ нѣтъ, и для нея не отецъ, одинъ ангелъ Господень былъ бы настоящимъ другомъ и хранителемъ.

Марья Васильевна ни на какую болѣзнь не жаловалась, не заморышъ чахлый, дышавшій на ладанъ, была она совсѣмъ здоровая, и голосъ у ней былъ сильный и громкій. Глядя на нее, какъ вообще глядѣть, встрѣчаясь, человѣкъ на человѣка своимъ надѣленнымъ зрѣніемъ, но лишеннымъ видѣнія, обездоленнымъ глазомъ, можно было подумать, да такъ и думали, что жизнь для нея—разлюли малина.

А ей Богомъ даны были глаза, такіе вотъ самыя—и она видѣла. И все, что она видѣла, шло ей въ душу. И она мучилась оттого, что все видѣла. И еще мучилась, что, какъ есть, одна была, а одному нелегко на свѣтѣ быть. И еще мучило ее то, что люди, безъ которыхъ не прожить жизнь, подходили къ ней по свойски, съ своею короткою общею мѣркою, и общенія не умиряли ее, а только ранили.

Дѣла она искала себѣ, чтобы чѣмъ-нибудь заполнить дни, и, найдя дѣло, скоро бросала его: люди, съ которыми волей-неволей приходилось ей сталкиваться, общаго, кромѣ дѣла, ничего съ ней не имѣли, чужіе ей совсѣмъ, а такой съ чужими—не дѣло, а мука. Да и подходящаго дѣла ей не было. Дѣло, вѣдь, ея совсѣмъ не житейское! Она только, измучившись, хваталась за дѣла, отъ измученности своей вѣрила, что въ нихъ—покой ея.

Что-то надо было ей сдѣлать, и она знала объ этомъ, не знала только, что сдѣлать, и еще больше мучилась.

Сколько разъ собиралась она уѣзжать изъ Лыкова на край свѣта куда-то, въ пустыню какую-то, гдѣ совсѣмъ нѣтъ людей. И тогда въ домѣ начинались сборы. Отецъ покорно собиралъ вещи, какія будто бы въ дорогу ей нужны. Но какъ-то сама собой наступала минута—и Марья Васильевна оставалась дома.

И опять приходили тяжелыя ночи.

Поводъ всегда находился: какая-нибудь встрѣча, какой-нибудь гость — со временемъ въ домѣ у Бобровыхъ гостей не бывало, отецъ понемножку всѣхъ отвадилъ — или отъ какого-нибудь разговора, отъ какого-нибудь слова и, кажется, совсѣмъ незначащаго, но падающаго больно на измученную душу, — только съ годами можно было усвоить и крѣпко держать въ памяти, чего нельзя было даже и намекомъ касаться при матери. Да мало ли еще сколько вещей вызывали тяжелыя думы — тяжкія ночи.

Если ты раненъ, и самъ вольный воздухъ растравитъ тебѣ рану.

Какъ рѣдокъ былъ день бобровскаго благополучія!

Если все, кажется, до мелочей было предусмотрено, всякія распоряженія по хозяйству отданы, комната прибрана и вездѣ наведенъ тотъ порядокъ, какой любить Марья Васильевна, — вещи размѣщены на столѣ ея по ея выбору, и воды для умыванья наготовлено много — чистоплотность у Марьи Васильевны доходила до какой-то болѣзненности, и все такъ, какъ надо ей, и только протяни руку, все есть, бѣда приходила съ другого конца.

День начинался съ того: или Марья Васильевна сонъ дурной видѣла или какая-нибудь вещь, нужная ей, прямо изъ подъ рукъ у ней исчезала, какой-нибудь гребенюкъ, какая-нибудь подвязка.

И все шло прахомъ.

А дурные сны снились Марьѣ Васильевнѣ не рѣдко, а вещи теряла она сплошь да рядомъ. Вещи-то никуда не терялись, никто ихъ не трогалъ, и никуда ихъ безъ нея не перекладывали, — лежали онѣ подъ самымъ ея носомъ, на глазахъ у нея, да она ихъ не видѣла, смотрѣла и не видѣла.

И все шло прахомъ.

И каждый разъ каждое волненіе ея казалось ей послѣднимъ, которое доканаетъ ее, ея концомъ. И каждый разъ она одного просила — смерти.

И въ домѣ жили подъ страхомъ этой смерти.

Уставившись въ одну точку, не двигаясь, молча, сидѣла Марья Васильевна на диванѣ. И такъ проходили часы — долгій томительный тяжкій день.

А отецъ украдкой въ сумерки становился передъ образомъ

въ своей комнатѣ, передъ Божьей Матерью—Величитъ душа моя Господа, и стоялъ чудно, голову крѣпко вдавивъ въ плечи, словно силился поднять неподъемную тяжесть.

И вотъ ей легчало... Въ слезахъ вся прощенья она просила, что мучаетъ всѣхъ, измучила совѣмъ.

И Боброву хотѣлось тогда унести мать туда, на край свѣта, туда, въ ту пустыню, гдѣ людей совѣмъ нѣтъ, и онъ чувствовалъ въ себѣ огромную силу, которая дастъ власть ему сдѣлать такъ, по-своему.

— Мамочка, насъ прости, мы передъ тобой всѣ виноваты.

А отецъ сѣменилъ, руки ея цѣловалъ, что-то бормоча безсловесное, и слезы дрожали въ глазахъ, какъ за молитвой передъ образомъ.

Такъ прошло дѣтство тревожное, на сторожѣ, съ одной главной мыслью, какъ бы чѣмъ не разстроить мать.

Если выдавались дни, когда мать казалась веселой и отецъ на радостяхъ балагурилъ, мысль, что этотъ тихій часъ можетъ въ одинъ мигъ кончиться отъ какого-нибудь звонка неожиданнаго, отъ какого-нибудь воспоминанія горькаго, какое неожиданно всплыветъ въ памяти матери, не покидала Боброва. И онъ, ничѣмъ не обнаруживая этой мысли своей, держался на сторожѣ, научился не забываться, навѣкъ разсчитывать каждый свой шагъ, чтобы какъ невольно не раздражить мать.

Пропастъ между людьми вскрывается не тогда, когда они умышленно раздражаютъ другъ друга, а когда, не вѣдая, не хотя и совѣмъ не желая, даже напротивъ, желая совѣмъ другого, невольно одинъ ранить другого. Тутъ ужъ, значить, у души съ душой въ самой основѣ нѣтъ никакой связи, и люди совѣмъ чужіе.

Учился Бобровъ хорошо, но ничѣмъ не выдѣлялся. У него все какъ-то было, всѣ дары, и все онъ могъ хорошо исполнить, на все годился, всѣмъ одарованъ, но такого особеннаго чего-нибудь, устремленности на одно излюбленное, дара особеннаго, ему только даннаго, не было.

Послѣ гимназіи онъ поѣхалъ въ Петербургъ въ университетъ. И въ Петербургѣ все шло гладко, и ученье и жизнь. Отецъ посылалъ ему денегъ, правда, не такъ уже много, чтобы не ду-

мать оденгахъ, но онъ привыкъ все разсчитывать и нуждаться не нуждался.

Когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, съ отцомъ случилась бѣда. Но ужъ онъ въ живыхъ не засталъ стариковъ, одни, въ бѣдѣ такъ они вмѣстѣ и ушли: отецъ, въ дугу согнутый, облихованный, мать—съ остановившимися глазами, которые все видѣли, измученная вся.

Больше не суетился старикъ, не стоялъ у иконы своей, передъ образомъ, больше не просила она смерти, успокоилась. Сперва мать померла, а за ней, и совсѣмъ незамѣтно, потянулся старикъ.

„Какъ же такъ я мамочку одну оставляю, ей и посердиться не на кого будетъ!“—вспоминались Боброву слова отца: это когда онъ разъ въ шутку предложилъ отцу вмѣстѣ въ Петербургъ проѣхать государя посмотрѣть,—у старика была завѣтная мечта, и спалъ и видѣлъ старикъ увидѣть государя и непременно поговорить съ нимъ, о чемъ поговорить, и самъ онъ не зналъ, а должно быть, о мамочкѣ, такъ что-нибудь.

Похоронилъ Бобровъ стариковъ своихъ, домишко продалъ, получилъ тысячу рублей изъ сберегательной кассы—старикъ эту тысячу скопилъ, на книжку для сына откладывалъ, сдалъ государственный экзаменъ и поѣхалъ за границу.

Годъ провелъ Бобровъ за границей, въ Парижѣ, и тамъ жизнь такъ же ровно шла, какъ и въ Петербургѣ, до всего добивался онъ, все хотѣлъ вывѣдать, высмотрѣть, перенять. И вернулся онъ въ Россію не въ Петербургъ, не въ Москву, а въ родной свой Лыковъ,—кандидатомъ въ Лыковскій судъ.

По отцу встрѣтили Боброва въ Лыковѣ не очень дружелюбно, недружелюбно и подозрительно, но ужъ скоро замѣтили его исполнительность и серьезность въ отношеніи дѣла и черезъ три года назначили въ Студенецъ слѣдователемъ.

Бобровъ женился и переѣхалъ въ Студенецъ.

Въхалъ онъ на новую свою должность съ самыми благими намѣреніями—годъ заграничный парижскій оставилъ въ немъ неизгладимый слѣдъ, и дѣло его въ Студенецѣ представлялось ему широкой общественной дѣятельностью на благо не только Студенца, а и всей Россіи.

Въ Студенецѣ прежде всего попробовалъ онъ сблизиться съ

мѣстнымъ обществомъ, но изъ общеній своихъ вынесъ самое горькое чувство.

И, осторожный, расчетливый, не разъ и не два онъ проверялъ себя.

„Можетъ, онъ ошибается? И если всѣ кажутся ему такъ грубы, ну, въ глубинѣ-то души, вѣдь, долженъ же каждый чувствовать себя такимъ, каковъ есть на самомъ дѣлѣ, чувствовать, знать и мучиться?“

Но этотъ прописной вопросъ его заглушенъ былъ другимъ вопросомъ:

„Да у всякаго ли есть она, эта глубина, глубина души хваленая, чтобы чувствовать?“

Нѣтъ, онъ не ошибался.

„Люди вообще существа грубыя,“—тогда это въ немъ такъ и врѣзалось.

И никогда такъ близко не вспоминалась ему мать, Марья Васильевна, какъ въ эти первые дни его дѣловой отвѣтственной жизни. Только матери дано было и близко было горнее и предвѣчное, а ему—дальнее. Ея истонченную душу, глаза ея съ ея видѣніемъ взялъ онъ мѣриломъ суда надъ людьми, и вынесъ свой жестокий приговоръ.

„Люди вообще существа грубыя,—и ужъ скоро добавилъ онъ,—и глупые,—какъ добавить впослѣдствіи,—и лютые“.

И Бобровъ началъ свою дѣятельность, развивая въ себѣ до совершенства всѣ качества слѣдователя: строгость, судебное безпристрастіе, точность, неутомимую цѣпкость и чутье песье.

И все это, весь свой трудъ полагалъ онъ во имя закона.

Хорошъ или дуренъ законъ, но въ законѣ видѣлъ онъ единственную крѣпкую узду, чтобы сдерживать людскую грубость, и въ законѣ, только въ законѣ видѣлъ онъ спасеніе Россіи, безъ чего, казалось ему, Россіи не быть.

Такъ началась дѣятельность Боброва.

До какихъ бы краевъ дошла она въ другихъ благопріятныхъ условіяхъ, одинъ Богъ вѣсть: силу онъ чувствовалъ въ себѣ огромную, сила не отпускала его, а росла съ дѣлами,—и казалось, онъ могъ бы совершить невозможное, какъ тогда, въ минуты жалости своей, когда хотѣлъ мать свою на край свѣта унести, въ пустыню, гдѣ нѣтъ совѣтъ людей.

Въ семейной жизни Боброву не повезло.

Счастливо начавшаяся жизнь его съ Прасковьей Ивановной скоро кончилась несчастно. Не такъ ему хотѣлось, и не такъ было тому дѣлу быть, да ужъ судьба.

Если мать Марья Васильевна представляла собой одинъ духъ живыи, и это сказывалось во всемъ, въ улыбкѣ, въ глазахъ и особенно въ губахъ ея, а въ тѣлѣ ея было настолько теплоты живой, насколько надобно ея для жизни, въ которой горѣлъ духъ, Прасковья Ивановна—лице земное по своему горѣла, и напряженные губы ея, казалось, вотъ лопнуть.

Боброву памятенъ вечеръ первой ихъ встрѣчи: ладонь ея, когда онъ прощался, пыхала при прикосновеніи, и онъ, какъ обожженный, ушелъ тогда домой, и съ той минуты только что о ней и была у него одна мысль, только о ней. И когда, встрѣчаясь, онъ говорилъ съ ней, слова ея пустяшныя, вдругъ значительныя, были для него знаками того самаго существа ея, что обожгло его въ ихъ первую встрѣчу.

И какъ у матери сущность ея—духъ живыи, горящій въ ней, покорялъ себѣ въ неволю на всю жизнь, такъ у жены сущность ея—лице земное, пламенность, одна, бездушная, кровь покоряла навсегда.

Тайна сія велика есть.

Прасковья Ивановна, такъ Богомъ одаренная, была до конца желанной, поскольку, желая и дѣйствуя, оставалась сама собою въ своей самости—животнымъ прекраснымъ и добрымъ, и становилась невыносимой—мелочной и мелкой, сварливой и завистливой, жадной и жестокой, какъ только выказывался въ ней человѣкъ не безыменный, а съ метрикою, занимающій опредѣленное мѣсто въ обществѣ.

Эта-то человѣкость и поставила Прасковью Ивановну въ уровень мѣстнаго общества, сдѣлала ее всюду своимъ человѣкомъ, столпомъ во всякихъ студенческихъ дразгахъ. Прасковья Ивановна заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди клубныхъ дамъ.

Хорошая хозяйка, она могла перекричать любую базарную торговку, сдѣлать выгодно покупку—а базаръ—воръ!—и надуть ее было такъ же трудно, какъ бабушку Двигалку—Филиппьеву, которая, волшебствуя бобомъ и ключами, на бобѣ и ключахъ своихъ ржавыхъ чайную открыла—Колпаки.

Если бы не Бобровъ съ своимъ норовомъ, Прасковья Ивановна не только не побрезговала бы приношеніями, а, надо полагать, развела бы сущее людодерство, в ы х о д ъ установила бы—поборъ за дѣла слѣдовательскія, и далеко оставила бы за собой исправничиху Марью Северьяновну, а Марья Северьяновна—у ней на всякой вещи имя ея цвѣтами да букетами вышито, жердевскіе Чортовы сады къ рукамъ прибрала.

Въ первый годъ женитьбы у Боброва родилась дочь. Домъ округлился. И жить бы поживать слѣдователю со слѣдовательшей, но ужъ на слѣдующій годъ не стало для Боброва его счастливаго дома,—одно названіе, домъ.

На первый день Пасхи горничная со злости на барыню, недовольная праздничнымъ подаркомъ, положила къ Боброву въ карманъ письма Прасковьи Ивановны: отъ товарища прокурора Удавкина къ Прасковѣ Ивановнѣ.

Вотъ тебѣ за пасхальный подарокъ!

И можетъ быть, лучше было бы для него такъ, безропотно и послушно, такъ, не читая, и передать женѣ эти письма.

Бобровъ этого не могъ сдѣлать.

Тотъ пламень, что обжогъ и покорилъ его навсегда, огонь преисподній—гроза, огонь—пучина—опустошеніе, кровь съ той же силой ножомъ врѣзался ему въ сердце. И боль вызвала въ немъ отчаянное любопытство: съ какимъ отчаяннымъ наслажденіемъ перечитывалъ онъ строчки, въ которыхъ ясно описывалось отношеніе товарища прокурора къ его женѣ.

Кончилъ читать, сложилъ такъ, какъ было, и, собравъ въ себѣ весь норовъ свой, все упорство, и, ничѣмъ не обнаруживая чувствъ своихъ, Бобровъ передалъ письма женѣ, какъ пустяки какія, какъ шпильки, безъ всякихъ словъ.

Съ этихъ поръ жизнь его пошла уединенно и одиноко,—забывай, значить, преждее!

Въ домѣ все осталось по-старому, такъ же приходили гости, какъ и прежде, еще больше гостей, еще чаще устраивала вечера Прасковья Ивановна, еще чаще наѣзжалъ изъ Лыкова Удавкинъ, товарищъ прокурора, и было очень весело.

Бобровъ появлялся на люди только къ чаю и опять уходилъ въ свою комнату.

Родилась вторая дочь.

И когда сказали ему, что у него родилась дочь, онъ принялъ извѣстіе необыкновенно спокойно, вошелъ къ женѣ, и такой выдержанный, каменный весь, сталъ передъ ней, и вдругъ всхлипнувъ, какъ мать когда-то въ тяжкія ночи свои, рѣжущимъ сухимъ всхлипомъ, отъ котораго морозъ по кожѣ бѣжить, ударилъ жену палкой.

— Сука не можетъ не метать!—ударилъ онъ ее палкой и, не обернувшись, вышелъ.

Ужъ рѣдко Боброва видѣли съ гостями, рѣдко выходилъ онъ къ чаю—чай ему подавали въ его комнату. А съ женой разговоръ у него былъ простъ и коротокъ: о деньгахъ, о расходахъ, какъ съ писмоводителемъ о дѣлахъ.

Не прошло и году, а Прасковья Ивановна опять была беременна.

И тутъ произошелъ однажды случай, ужъ окончательно загнавшій Боброва въ его жестокое молчанное житіе.

Боброва разбудили ночью: съ барыней худо.

Что-нибудь, дѣйствительно, было неладно, ужъ разъ она сама позвала его: съ рожденія второй дочери, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ударилъ онъ жену палкой, онъ больше не входилъ въ ея спальню.

И вотъ въ первый разъ онъ вошелъ къ ней ночью, въ ея спальню.

Не подымая головы, сидѣла она на смятой постели и тихо плакала, и было что-то за сердце хватающее въ этомъ плачѣ ея, тихомъ и горькомъ.

Онъ пробовалъ заговорить съ ней, расспрашивать сталъ, какъ спрашиваетъ докторъ: и что съ ней, въ чемъ дѣло, и на что она жалуется? Но она и звука не подала въ отвѣтъ, словно не слышала его.

Въ комнатѣ они одни были и, кромѣ нихъ, никого не было.

Онъ стоялъ передъ ней безнадежно, онъ чувствовалъ, какъ тлѣетъ, какъ томится его сердце.

Онъ ей помочь готовъ, онъ ей поможетъ, онъ все для нея сдѣлаетъ. И какъ это повернулась у него рука ударить ее! Она одна для него, она все для него.

Онъ стоялъ передъ ней безнадежно, и сердце его тлѣло, томилось.

А она тихо и горько плакала—зяблое, упалое дерево. И вдругъ поднялась съ постели, твердо, крѣпко стала на землю и неуклюже нагнулась, и ниже, все ниже—до земли, до самой земли—въ ноги ему.

— Знаю,—сказала она,—знаю, все знаю!—сказала она непохожимъ голосомъ и смотрѣла, все будто видя, и не видя, горячимъ слѣпымъ своимъ глазомъ.

Съ этой ночи Бобровъ сталъ пить.

Обыкновенно послѣ службы, усѣвшись за книгу, за полночь читалъ онъ, и тутъ наступала такая минута,—тишина ли ночи и горечь полуночная, воздухъ ли, какъ самъ себѣ говорилъ Бобровъ, а потомъ ужъ по привычкѣ, сложивъ книгу, онъ пилъ и, обезумѣвъ, валился. А утромъ, безумный отъ водки, обливался онъ холодной ледяной водой и, тщательно одѣтый, шелъ внизъ въ свою слѣдовательскую камеру начинать дѣла.

И какая увѣренность была въ каждомъ движеніи его, въ каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ!

За плечами чувствовалъ онъ Петропавловскую крѣпость, а жизни ему и вершка не было.

И когда было дознано, что Бобровъ пьетъ,—отъ всевидящаго Бога легче схорониться, чѣмъ отъ людей!—и притомъ пьетъ Бобровъ одинъ, запершись, втай, потиху, это не только не вызвало къ нему сочувствія, нѣтъ, еще больше откололо его,—иное дѣло, если бы пилъ въ компаніи, былъ бы тогда свой человѣкъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОЛЧАННОЕ ЖИТЬЕ.

Въ Петербургѣ спросишь стаканъ чаю, стаканъ и дадутъ, въ Москвѣ спросишь стаканъ чаю, чайникъ дадутъ, въ Кіевѣ—съ своимъ чайникомъ иди, а въ Студенцѣ—самоваръ тебѣ на столъ да со стаканами: кого люблю, тому дарю.

Студенецъ на горѣ—лѣсная сторона. Противъ города на другой горѣ монастырь,—нѣкогда старцы пустынные, работая Богу и церкви Божіей, жили въ немъ, отшельники, питались лыками да сѣно по болоту косили въ богомыслии и умной молитвѣ, а теперь монашки лягушачью икру сушатъ,—помогаетъ отъ рожы, да коровъ развели и молоко продавать возятъ на заводъ въ Лыковъ,—Тихвинскій дѣвичь-монастырь. Между горъ рѣка—сплавная рѣка Медвѣжина. Кругомъ лѣсъ. Въ лѣсу муравей, и нѣтъ его жирнѣе и больше, женщины ловятъ.

Деревянная рѣдкая стройка, заборы. Изъ-за тесовыхъ заборовъ рѣдкія деревца—ветлы какія-то, одни прутья торчатъ. На заборахъ подходящія остановкамъ, выпарапаннныя и намѣлованныя стихи, назидательныя весьма, но совсѣмъ не для громкаго чтенія. Покосившіеся домишки, крашенныя въ самый неожиданный цвѣтъ—цѣлая пестрая деревня, одинокій каменный домъ Нахабина съ золотыми львами на воротахъ—живетъ Нахабинъ богатымъ обычаемъ, трехъэтажная Опаринская гостиница, да кирпичный красный сундукъ — номера Бабашкова, каменный бѣлый соборъ и острогъ бѣлый каменный.

Улицы немощеныя, отъ тротуара до тротуара—стоялая лужа, переходъ черезъ улицу по доскамъ, доски отъ ветхости вби-

лись въ грязь, и по осени, знай, подвязывай калоши, а то зачерпнешь.

По угорамъ лужайки, у домовъ огороды. Лужайки обхожены коровами и лошадьми, огороды по веснѣ благоухаютъ особенно—весенней городской поливкой.

Въ лужахъ, какъ мертвыя, дрыхнуть студенецкія свиньи, и лишь какой поросенокъ бродить по уши въ липкой грязи.

Городская жизнь идетъ не густо, не валко отъ новаго и до новаго года, который встрѣчается дважды: и въ Васильевъ вечеръ, какъ полагается, и тридцатаго на Анисью—на Анисью каждый для себя встрѣчаетъ, на день будто бы жизни прибавится.

Въ канцеляріяхъ скрипитъ перо и щелкаетъ машинка. Въ пожары бьютъ въ набатъ. Озорники озорничаютъ: наклеиваютъ Боброву на окна вещи совсѣмъ неподходящія, сложенные на манеръ кораблика изъ синей канцелярской бумаги, или вымажутъ ручку звонка масляной краской, огадятъ крыльцо, или пошлютъ цѣнной посылкой морковь какую, ну, хоть той же учительницѣ Февралевай, откладывающей изъ своего жалованья на поѣздку въ Петербургъ учиться. Лѣтомъ, когда дамы выходятъ на Медвѣжину купаться, кавалеры залегаютъ въ кусты. Плавать никто не умѣетъ, а плещутся у берега и визжать, и только одна слѣдовательша Боброва выплываетъ на середку.

Временамъ и срокамъ ведется свой особый студенецкій счетъ. Для вящей точности приводится не годъ, не день, а нѣкое событіе лѣтописное, достойное памяти.

— Въ тотъ самый годъ,—такъ говорятъ,—когда покойный мировой судья Иванъ Михайловичъ Закутинъ выбилъ окна Будаеву адвокату.

И такъ еще:

— Въ тотъ самый годъ, когда кладбищенскій попъ Азбуковъ со свояченицей своей Анфусой запарилъ въ банѣ въ два вѣника попадью свою и получилъ члена консисторіи.

Или еще вотъ какъ:

— Въ тотъ самый годъ, когда старшая дочь Проппенышева Ираида выбросилась изъ окна: „Полечу, говорить, къ Богу!“ и разбилась на смерть.

Есть въ Студенцѣ и для погоды свой особый барометръ. Въ верхнемъ этажѣ управы держатъ сумасшедшихъ: если сумас-

шедшіе поютъ—къ перемѣнѣ, кричатъ—жди ненастья, а ведутъ себя тихо, будетъ ведро.

Зимою много снѣга и крѣпкій морозъ. Лѣтомъ—пыль, зной, комары. Въ августѣ начинай топить печи.

Защурить солнце свой рыжій осоловѣлый глазъ изъ-за двухъ блиновъ-тучъ, сядетъ за гнилые заборы, и закрываютъ по домамъ ставни, и ужъ весь городъ—на боковую.

И только свѣтятся окна клуба.

Студенецкій общественный клубъ—мѣсто покоища и пагубы.

Пять клубныхъ комнатъ—во всѣхъ одинаково желтоватыя подъ орѣхъ обои, крашеный полъ. Въ гостиной у дивана по стѣнѣ жирныя головныя пятна—слѣдъ добросовѣстной работы студенецкаго парикмахера Юлина—Гришки Отрепьева, въ красномъ углу просиженное кресло—съ незапамятныхъ временъ обивка разрѣзана ножомъ. Висячія съ подвѣсками лампы. Пропойный табачный духъ.

Клубная бібліотека рядомъ съ уборной.

„Пройти въ бібліотеку“,—означаетъ: „пойду въ уборную“.

А въ уборной среди всякихъ непечатныхъ заборныхъ стиховъ и восклицаній начертана историческая надпись, сохранившаяся отъ дней свободы.

„Да здравствуетъ республика!“

Зимою въ клубѣ выписываются газеты, лѣтомъ не выписываются: въ жару не до чтенія, и кому читать?

Клубная горничная Лизка вся въ розовомъ, съ завитками—общественная кружка, такъ величаютъ горничную клубные пріатели. Клубный поваръ Василій, и въ снѣди и въ питіи славный, а въ своемъ мороженомъ несравненный: увѣряли, между прочимъ, что кладетъ Василій въ мороженое, и притомъ совсѣмъ незримо, мелко-на-мелко истолченнаго перцу. Клубный буфетчикъ Ермолай Игнатычъ, бывалый на Дальнемъ востокѣ, неподражаемо кричалъ уткой и поѣздомъ, и всю закуску подъ сѣткою держать и не столько отъ мухи—зимой какая же муха!—а чтобы кто чего, захватя, не унесъ.

Старшина клуба—уѣздный членъ Иванъ Θεоктистовичъ Богоявленскій хромоногій и пьетъ и глядитъ въ оба, безъ выигрыша изъ клуба не выходитъ, и хоть поймать не ловили, а словно бы и шулеръ.

Клубные члены—все свои люди.

Самъ Александръ Ильичъ исправникъ—членъ первый. За исправникомъ—студенецкіе чины. Городской судья Налимовъ Степанъ Степанычъ—трезвъ, какъ куръ, и лишь разъ въ году на свои именины не уступаетъ и Ивану Никанорычу Торопцову, а докторъ любитъ похвастать, что усидѣлъ девятнадцать бутылокъ въ одинъ вечеръ. Земскій начальникъ Салтановскій Николай Васильевичъ—Законникъ, акцизный Шверинъ Сергѣй Сергѣичъ—студенецкій спортсменъ, по университетскому знаку необыкновенныхъ размѣровъ и въ какой-угодно свалкѣ отличить его можно, ловкачъ поразсказать о заграничныхъ порядкахъ, а по кличкѣ Табельдотъ или Метрдотель, какъ придется. Агрономъ Пряткинъ Семенъ Ѳедоровичъ—послѣ двѣнадцати рекомендуется свиньей, чувствителенъ необычайно, рыдаетъ и умѣетъ такъ всхлипывать, какъ весенній голубь, пріатели дразнятъ его Аграфеной, на которой, прикрывая чей-то грѣхъ, агрономъ женился, а какъ,—не помнитъ. Секретарь управы Василій Петровичъ Нѣмовъ—разумливъ, изъ всѣхъ самый толковый, а найдетъ волна и сидитъ по недѣлямъ въ клубѣ, горькую пьетъ. Податной Стройскій Владиміръ Николаевичъ—Донъ Жуанъ студенецкій, выпивши, привязчивъ, какъ докторъ Торопцовъ, а когда хмель разниметъ, плачетъ, какъ агрономъ Пряткинъ. Почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ—студенецкій охотникъ, многочаденъ, какъ землемѣръ Каринскій. Лѣсничій Кургановскій Эрастъ Евграфовичъ—Колода, членъ управы Семенъ Михеичъ Рогаткинъ—подрядчикъ, поставляетъ и сѣно и лѣсъ, даже строить мосты, человѣкъ простецкій, не столько самъ пьетъ, сколько подпиаиваетъ. Неизмѣнный Грохотовъ Петръ Петровичъ ветеринаръ—Райская птица, по морозу въ одномъ пиджакѣ ходитъ, легкоъ ногами, человѣкъ, хоть и семейный, баба его всѣмъ извѣстна, но бездоменъ, какъ Пашка—Папанъ, босякъ студенецкій, и удопреклоненъ: валится тамъ, гдѣ его хмель свалить.

А за Петрушой ужъ всякіе: и учителя, и канцеляристы, и писцы.

Изъ клубныхъ дамъ самая дѣятельная — исправничиха Марья Северьяновна. За Марьей Северьяновной ея пріятельницы Анна Савиновна, жена акцизнаго, начальница ремесленной школы

руководѣля, слѣдовательша Боброва Прасковья Ивановна, докторша Торопцова Катерина Владиміровна—Лизабудка, пѣвица студенецкая, и, хоть дальше Казани никуда не выѣзжала, но съ заѣзжимъ человѣкомъ можетъ такъ разговоръ повернуть, словно бы всю-то жизнь прожила въ Петербургѣ.

Въ клубѣ играютъ, ѣдятъ, разговариваютъ. Играютъ въ рамсъ и преферансъ, рѣдко въ винтъ, а послѣ двѣнадцати—въ желѣзную дорогу. Разговоры—студенецкія сплетни, мнѣній ни у кого никакихъ: такъ, куда вѣтеръ.

— Теперь, знаете, по другому считается!—любимый запѣвъ, за которымъ жди отзывъ совсѣмъ противоположный вчерашнему.

Въ часъ по домамъ: пора и честь знать.

Дорога изъ клуба лежитъ мимо дома предсѣдателя земской управы Бѣлозерова. Ноги не твердо, но по привычкѣ волокутъ къ завѣтному дому предсѣдателя.

Предсѣдатель Бѣлозеровъ, студенецкій помѣщикъ, щеголь изъ неокончившихъ лицейство, держался въ сторонѣ отъ клубныхъ пріятелей, но дѣло не въ самомъ Бѣлозеровѣ, а въ Василисѣ Прекрасной.

Эту Василису Прекрасную поялъ себѣ предсѣдатель прямо на корню, какъ говорилъ Исцовъ—Пеликанъ: работала Василиса на сплавной баржѣ, надъ помпой, увидѣлъ ее Бѣлозеровъ, остановились глаза его на Василисѣ, взыграло сердце, и купилъ онъ ее у родителей. Въ своемъ домѣ держалъ Бѣлозеровъ Василису взаперти—сидѣлъ, какъ ястребъ надъ бѣлымъ тѣломъ, и лишь въ праздники разряженную по послѣдней модѣ выпускалъ ее въ церковь къ обѣднѣ. И ужъ Богъ вѣсть съ какими цѣлями, по нелюдимуству что-ли своему, заставлялъ онъ Василису раздѣваться и такъ нагишомъ прогуливаться въ гостиной, увѣшанной зеркалами, а самъ разляжется на диванѣ, лежитъ и курить, либо велитъ полъ вытирать и безъ того, какъ зеркало, ясный, и тоже лежитъ да покуриваетъ.

Въ щелку въ освѣщенное окно можно все разглядѣть, не надо и щуриться.

И въ часъ крѣпкаго студенецкаго сна, въ часъ вторыхъ пѣтуховъ не рѣдко можно видѣть, какъ у щелки освѣщеннаго Бѣлозеровскаго окна, дружно обнявшись, припадаютъ къ окну

полунощные пріатели, и наступаетъ такая минута—Петруша Грохотовъ ногтями царапаетъ стѣну.

Дальше дорога поворачиваетъ къ дому слѣдователя Боброва. Пріатели не обойдутъ и его, и чей-нибудь кулакъ ужъ непременно дубаснетъ въ ставню, а въ верхнемъ окнѣ у слѣдователя и не мигнетъ, упорно горитъ одинокій бессонный огонь.

Съ тѣхъ поръ, какъ съ семьей было покончено и домъ разоренъ, изъ вечера въ вечеръ оставаясь одинъ, въ молчанномъ житіи своемъ, Бобровъ, кромѣ чтенія, большую часть часовъ ночныхъ удѣлялъ сочиненію.

Сочиненіе его выходило замысловатое, нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта и не лицу какому-нибудь извѣстному, не студенецкому подсудимому, а всему русскому народу. И было похоже на то, какъ когда-то въ старину въ смутные годы дьякъ Иванъ Тимофеевъ въ „Временникѣ“ своемъ, подводя итогъ смутѣ, выносилъ свой приговоръ русскому народу, безсловесно молчащему, а троицкій монахъ Авраамій Палицынъ судилъ русскій народъ за его безумное молчаніе.

Отъ столповъ московскихъ, съ начала государства русскаго до послѣдняго заворощенія—памятныхъ дней свободъ собиралъ Бобровъ дѣянія народныя и творилъ надъ ними свой судъ.

Обиды, насильство, разореніе, тѣснота, недостатокъ, грабленіе, продажа, убійство, непорядокъ и беззаконіе—вотъ русская земля.

Нестойкій, другъ съ другомъ неладный, бредущій розно, разбродный и смолчивый, безгласный—вотъ русскій народъ.

Къ совѣсти русскаго народа обращался Бобровъ, ибо въ совѣсти народной—покой земли.

Что же спасетъ русскую землю, вырванную, выженную, выбитую, вытравленную и опустошенную? Кто уничтожаетъ крамолу? Кто разоритъ неправду? Что утолитъ вражду? И гдѣ царскій костыль?—все въ розни, въ конецъ разорено! Гдѣ безстрашныя прямая думы, безтрепетное сердце?—думаютъ, что правятъ и строятъ, а наводятъ землю на лихо! Безнарядье низложить русское царство, смететь русскій народъ.

Законность, искони невѣдомая Россіи, вотъ столпъ, которымъ укрѣпится земля.

Сочиненіе со временемъ было заброшено, писаться ужъ ничего не писалось, но вся сила его, все воодушевленіе, чувство, проникающее каждое слово, и дерзостно и повелительно обращенное къ русскому народу, къ родной землѣ, осмысливало бессмысленную, разбитую жизнь Боброва.

Онъ зналъ, для чего ему надо по утру подняться и итти внизъ въ свою слѣдовательскую камеру, и терпѣливо сидѣть до вечера, допрашивать и подписывать бумаги, и на слѣдствіи во время облавы гоняться псомъ по разбойнымъ слѣдамъ.

Законность, единственное спасеніе гибнущей Россіи, законность, выкоренить корень которой долгъ всякаго русскаго, любящаго свою родину, законность, безъ которой не можетъ быть русскаго государства, законность, которую проводилъ онъ въ своей дѣятельности, была его крѣпостью, смысломъ его жизни — дѣломъ его души.

Сочиненіе лежало въ ящикѣ письменнаго стола, ящикъ запертъ на ключъ. И проходили мѣсяцы, годы, а онъ не отпиралъ ящика, не раскрывалъ тетради, но въ минуты безумія среди одинокой ночи всѣ помыслы его обращались къ завѣтной тетради, къ кресту трудовъ его, и гнѣвъ его разгорался.

Сидя передъ зеркаломъ одинъ среди ночи въ ночи онъ заводилъ свой тайный разговоръ, свою буйную рѣчь—къ зеркалу, къ самому себѣ, какъ съ площади московской съ Лобнаго мѣста, съ Петровскаго подножья отъ памятника русскаго великаго царя къ русскому народу.

Та боль, та душная тоска собственной своей разоренности, отъ которой воздухъ спирался и хотѣлось пить до одури, вылились съ годами въ жесточайшія обличенія—въ плачъ надъ разоренностью земли русской о гибели русскаго народа.

И вотъ будто въ рукъ его и вяжущая, и рѣшающая сила, знаетъ онъ и корень зла, и средство спасенія, можетъ онъ указать, чѣмъ и какъ спастись Россіи.

А съ каждымъ днемъ безтолковая жизнь приносила ему все новыя беззаконія.

„Или ужъ самоуправство вошло въ плоть и кровь русскаго народа?—спрашивалъ онъ себя,—и замѣшались всѣ люди, а вѣка строящаяся Россія разваливается, разсыпается и послѣдній русскій забываетъ свою родную рѣчь, а смерть не

спить—сильный чужой народъ вотъ полчищемъ вступить въ страну, смерть не спать—растерянный, расшатанный, ослабленный, оплеванный, оплевывающійся, спившійся русскій народъ—бродникъ народъ!—безъ боя, нѣтъ, на разоренномъ полѣ своемъ, предавая братъ брата, предастся врагу“.

— Придутъ дни,—говорилъ онъ,—да это правда, пророчество право, дни ужъ идутъ, приближается срокъ, когда живущіе въ этомъ дворѣ не ступятъ по нему ногами своими, и затворятся его ворота и не отворятся болѣе и запустѣетъ этотъ дворъ—запустѣетъ Россія!

А передъ глазами его изъ глубины вѣковъ вставала строящаяся Россія, когда клались соборы, срубались церкви, ставились колокола.

Пожаръ уничтожитъ все до послѣдняго, и вновь упорно и терпѣливо на пепелище свозятся камни и лѣсъ и снова подымается стройка. Такъ городъ за городомъ застраивалъ народъ большую землю—Русь. И чѣмъ крѣпче церковь, чѣмъ выше храмъ, чѣмъ больше звонить колоколовъ, тѣмъ сильнѣе городъ, смѣлѣе рѣчь—русская рѣчь. Такъ храмъ за храмомъ—городъ за городомъ строилась Россія.

И вотъ не поганый Ахмыла, Грозный царь приходитъ на свою землю и разоряетъ свой родной русскій городъ.

— Когда новгородскаго владыку, обряженного шутомъ, по приказу царя возили по городу съ бубенцами верхомъ на бѣлой кобылѣ, когда всенародно поставленные на правезъ до полутысячи монаховъ палицами забиты были на смерть, вотъ когда еще беззаконіе ядомъ вошло въ русскую кровь. И московскій святитель, мученикъ, вѣрный и твердый сынъ Россіи, правъ. Да, „У татаръ есть правда, во одной Россіи нѣтъ ея, во всемъ мірѣ ты встрѣтишь милосердіе, а въ Россіи нѣтъ состраданія даже къ невиннымъ и правымъ!“

И одно за другимъ изъ казней казнь, смертною для народа казнью, беззаконіе—съ верху разгромъ, съ низу погромъ все тяжче, все неистовѣе вставали передъ нимъ изъ вѣка черезъ Москву съ ея застѣнками, черезъ смуту съ ея предательствомъ, черезъ Петербургъ съ его злодѣйствомъ до послѣдняго завороженія—памятныхъ дней свободъ.

Въ крови беззаконный, развращенный беззаконствомъ ужъ.

представлялся ему русскій народъ затворѣннымъ псоглавымъ народомъ, который въ концѣ вѣковъ, въ конечные дни земли и свѣта бросится съ воємъ, кривляясь, пьяный отъ воли изъ своего тысячелѣтнаго плѣна на свободные народы и истребить всѣ царства.

Клопами обкидывали беззаконства родного народа, и уста его закипали кровью.

— Когда на аграрномъ погромѣ, спаливъ усадьбу, погромщики выкололи глаза лошадамъ, когда въ еврейскомъ погромѣ громили вбивали въ глаза и въ темя гвозди, когда околодочный въ участкѣ тушилъ папирску о голое тѣло арестантки, когда хулиганы, ограбивъ прохожаго, отрѣзали ему губу такъ, ни для чего, когда революціонеры убиваютъ направо и налѣво по указкѣ какого-то провокатора, когда воры распяли купца, прибивъ его руки гвоздями къ стѣнѣ, а ноги къ полу, требуя денегъ, когда судья оправдываетъ явнаго убійцу-погромщика,—кто это дѣлаетъ, какой народъ?—и вспоминается ему, какъ недавно въ холодной арестованные хулиганы расправлялись съ сектантомъ за его отказъ перекреститься, обливали и били его, а полицейскіе у окошка, сочувствуя, поощряли ихъ, и, обозленные его терпѣніемъ, повалили его на полъ лицомъ—одни сѣли на спину, другіе ему загибали утку, чтобы сломать хребетъ, измучились, а не сломали и, наконецъ, забили ему носъ и ротъ табакомъ,—кто это дѣлаетъ, какой народъ?... А когда деревенскіе парни охальники, встрѣтивъ священника, заставили его плясать, когда на свадьбѣ подрядчикъ затѣялъ показать работнику, какъ надо учить жену, и ременнымъ черезсѣдельникомъ билъ по голой спинѣ чужую беременную бабу, когда конокраду воткнули въ задъ палку, когда мать ставитъ свою дочь на рельсы и приказываетъ броситься подъ поѣздъ: „Бросайся, ты никому не нужна!“, а другая мать ищетъ покупателя на свою дочь, когда въ волостномъ судѣ, пытая обвиняемыхъ, одного жгли раскаленнымъ желѣзомъ, а другого подымали на дыбу, припекая ему пятки, третьему облили спину керосиномъ и подожгли, четвертому въ половые органы вгоняли мелконарѣзанный конскій волосъ,—кто это дѣлаетъ, какой расточенный, убившій въ себѣ душу народъ? какая измѣнная голова, измѣнная землѣ своей, измыслила дѣла такіа на пагубу себѣ и всему народу?

А хихикающее трусливое общество съ своимъ обезьянскимъ гоголомъ, бездѣльное... Лѣнтяи и тунеядцы, воры, желающіе выгородить лѣнь свою и кричащіе на всѣхъ перекресткахъ свой дешевый погромный кличъ и въ этой травлѣ видящіе все русское дѣло. Нашли занятіе! Нашли себѣ русское дѣло! Нищія душой, слѣпые недоноски, голыши духомъ, не находящіе ничего другого для культуры Россіи, для русскаго народа, какъ хулить и ругать Россію. Нашли занятіе! Нашли себѣ русское дѣло! Продажные лицемѣрные исполнители, налагающіа на другихъ законъ, а сами нарушающіе его, первые предатели, первые измѣнники, первые злодѣи. Подлое общество, подлый народъ! Для кого же дорога Россія, кто ей вѣренъ, кто о ней печется, кто держитъ свою клятву служить ей неизмѣнно—непреложно—неотъятно—нѣтъ, „я не русскій!—отскакивалъ отъ зеркала Бобровъ,—не русскій, я нѣмецъ, всѣ русскіе предатели и воры!“—и стоялъ самъ для себя одинъ—откатный камень—одинъ съ поднятымъ кулакомъ передъ всѣмъ народомъ, а стягъ его, палка его—законъ—смертоносное знамя, какъ крестъ воздвизалый, тихо опускался на землю, а съ нимъ погружался во тьму и весь народъ русскій, неустойчивый, неладный, смолчивый.

Послѣдней вспышкой загоралось сознаніе,—отчаяніе опустошало душу. И подъ стукъ въ ставню возвращающихся веселыхъ клубныхъ пріятелей, Бобровъ валился безъ мысли, безъ думы, и угарный сонъ безъ сновидѣній, тягучій и странный, покровенный темною кровью, давилъ и путалъ его до безумнаго утра, до дѣловаго дня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДУБОНОЖІЕ.

Многихъ ли ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, какъ сказалъ бы лѣтописецъ, или, и безъ вины, по какимъ другимъ причинамъ, къ грѣху не относящимся, а просто такъ, много самыхъ неожиданныхъ происшествій совершалось въ Студенцѣ.

Въ прошломъ году приказчикъ истребительнаго общества изъ бывшихъ матросовъ Кочновъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, въ ожиданіи кометы привязалъ себя веревкой за якорь и закопался въ землю. Только съ помощью Петруши Грохотова, какъ самъ Петруша увѣрялъ всѣхъ въ клубѣ, извлекли Кочнова изъ ямы, но бѣдняга ужъ недолго погулялъ по бѣлому свѣту, затосковалъ и до кометы померъ.

А нынче по веснѣ, откуда ни возьмись, появились въ Студенцѣ черви, несмѣтное ихъ количество. Ползли они по талому снѣгу отъ провизора Глейхера мимо гостиницы Опарина, мимо казначея Понюшкина и прямо на протопопа Виноградова, съ запада на востокъ, и размножались съ быстротою молніи, какъ говорилъ Петруша. Трое сутокъ ползли черви на протопопа, потомъ вдругъ повернули на исправника и пропали. И пока ползли они, погода стояла теплая, а когда огинули, стало вѣтрено.

Трогать червей никто не рѣшался и даже смотритель тюрьмы Ведерниковъ, ужъ на что пресловущъ паче всѣхъ въ таковомъ дѣлѣ—на чистотѣ помѣшанъ: арестантовъ чистоты ради въ камерахъ нагишомъ держитъ, да и тотъ не притронулся. А червякъ, хоть съ виду и походить на червя, но было что-то указующее и въ тѣлесномъ его строеніи и въ разсѣченіи

естества его: весь покрытъ рѣдкими черными волосками, на брюшкѣ у однихъ, какъ сосочки, ножки болтались, а у другихъ брюшко было совершенно гладкое.

Вдовая дьяконица Агнцева, отвѣтственный членъ общества истребителей, поймала-таки пару, и послѣ всеѣмъ желающимъ въ лавкѣ показывала.

Что говорить, много всякихъ бывало случаевъ, но все это пустяки и совсѣмъ не похоже на то, что случилось на утро послѣ именинъ протопоповскихъ,—чудеса въ рѣшетѣ, какъ вечеромъ послѣ говорили въ клубѣ, когда ужъ очухались.

У студенецкаго исправника Александра Ильича Антонова выросли ослиныя уши чудеснымъ образомъ.

И не въ какомъ-нибудь переносномъ смыслѣ, а на самомъ дѣлѣ, по всей по правдѣ и притомъ всего за одну ночь—чего ночь!—за нѣсколько часовъ ночныхъ, а можетъ быть, въ одну минуту, внезапно, вдругъ выскочили такія вотъ надъ его крѣпкимъ стриженнымъ лбомъ и заторчали сущимъ безобразіемъ.

Конечно, другому бы—мало ли на свѣтѣ какихъ лицъ попадается, да и тутъ, въ Студенцѣ подъ бокомъ не мало ходитъ, взять хоть того же Лепетова, наблюдателя, или члена епархіальнаго совѣта тоже Лепетова губернскаго, наѣзжающаго въ Студенецъ на экзамены, экзаменатора, извѣстнаго больше подъ кличкою Соленаго огурчика, да уши эти и совсѣмъ подошли бы и очень кстати были бы, и, кто знаетъ, человѣка человѣкомъ сдѣлали бы. Но Александръ Ильичъ не Лепетовъ, наблюдатель, не Лепетовъ экзаменаторъ—Солёный огурчикъ, для Александра Ильича такое пріобрѣтеніе—зарѣзъ одинъ, Божье наказаніе, безобразіе.

При всей-то его лихой складности—и вдохновляетъ и страхъ наводитъ!—ну, кабы рога оленьи, еще туда-сюда, и то, пожалуй, не совсѣмъ ужъ, когда и серебро въ бородѣ и одышка беретъ, при всей-то осанкѣ его и лучезарности—Лучезарнымъ прозывали студенецкаго исправника, и вдругъ эти самыя уши.

Именины соборнаго протопопа о. Николая Виноградова въ году однажды, да на весь круглый годъ.

Столъ именинный бывалъ полный, пустыя блюда не подавались, ходило агнче съ яицы учинено, по словамъ именинника, —баранья нога, зажаренная съ яйцами, и только не до-

ставало, что яйца струфокомилова, а упивались такъ, кто въ улогъ, кто наповаль. Позапрошлой весной на именинахъ покойному головѣ Талдыкину и смерть приключилась судомъ Божиимъ,—не выдержалъ и Богу душу отдалъ.

Пироваль Александръ Ильичъ у протопопа и былъ грѣхъ, соблазнилъ его попъ краснымъ ягоднымъ медомъ, а потомъ ужъ пошло вино доброе да пѣнное, разрѣшилъ себѣ Александръ Ильичъ, не сдержалъ своего воздвиженскаго зарока, но особеннаго ничего не произошло, въ карты, какъ еще никогда, везло, всѣхъ обыгрывалъ, загребъ золота—дѣвать некуда, и домой вернулся на двухъ ногахъ.

А вотъ на утро, возбунувъ отъ сна, какъ выразился бы протопопъ именинникъ, и погладивъ себя по крѣпкой ежовой головѣ своей, Александръ Ильичъ съ трепетомъ ощутилъ на себѣ присутствіе вещей неприличныхъ: сразу какъ-то сообразилъ и принялъ онъ, что уши не его, уши у него ослиныя, а сидятъ очень прочно.

Слѣдовательшѣ Бобровой Прасковѣ Ивановнѣ быки снятся, будто все быкъ на быкъ и всякій за ней гонится и настичь ее хочетъ, почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ, охотникъ, видитъ во снѣ утокъ, гусей—дичь всякую, лѣсничій Кургановскій ничего во снѣ не видитъ, а исправнику, хоть и не часто, а если заладить сниться, такъ ужъ изъ ночи въ ночь военныя сраженія снятся.

Не во снѣ, на яву чувствовалъ Александръ Ильичъ эти уши, и все, кажется, понималъ, но къ зеркалу подойти посмотреть никакъ не рѣшался, и сидѣлъ на диванѣ,—на диванѣ въ кабинетѣ стелили исправнику безъ исправничихи,—сидѣлъ и ощупывалъ себя, свои уши: тянулъ за мякишъ, крутилъ за маковку, такъ закрутить, этакъ вывернетъ. И чѣмъ больше крутилъ онъ и вертѣлъ ихъ, тѣмъ прочнѣй чувствовалъ ихъ, и безъ всякаго зеркала яснѣе яснаго видѣлъ себя во весь свой антоновскій ростъ, во всей своей лучезарности: на шеѣ Анна, грудь въ медаляхъ, разгарчивый румянецъ, крыломъ борода—волосокъ къ волоску, и, Богъ знаетъ, пальца на два масленистыя съ левымъ отливомъ въ рѣдкихъ черныхъ волоскахъ, подобныхъ тѣмъ, что у червей Агнцевой дьяконицы, торчали ослиныя уши.

Исправникъ въ Студенцѣ, что губернаторъ въ губернскомъ

городѣ въ Лыковѣ, выше его нѣтъ начальства: и богатить, и убожить, и смиряеть и высить.

И конечно, предстань онъ, ну, хоть въ соборѣ на молебствіи и ни въ какомъ-нибудь, а въ песіемъ образѣ, да тотъ же протопопъ Виноградовъ ему первому дастъ къ кресту приложиться.

Эка, бѣда, что уши,—серпомъ силы своей всякаго посѣчеть!

Памятныя книги времени—лѣтопись студенецкая помнитъ событія куда знаменательнѣе и не такое было дѣемо и творимо—и былъ миръ и любви, порядокъ и благочиніе.

Посмѣяться надъ исправникомъ никто не посмѣеть.

„Бобровъ-Оглодокъ!“—вспомнился исправнику Бобровъ, и при одномъ воспоминаніи о слѣдователѣ кинуло его въ жаръ.

И Александръ Ильичъ всѣхъ перечислилъ, всѣхъ жителей студенецкихъ съ Бѣлозерова предсѣдателя до пажа-босняка и бенички гулящей, и всѣхъ перебралъ клубныхъ пріятелей: и старшину клубнаго, члена суда Богоявленскаго, и судью Налимова, и земскаго начальника Салтановскаго—Законника, и акцизнаго Шверина—Табельдота, и агронома Пряткина—Свинью, и управскаго секретаря Нѣмова, и податного Стройскаго—Донъ-Жуана, и почтмейстера Аркадія Павловича Ярлыкова, и землемѣра Каринскаго, и Торопцова, полицейскаго доктора, и лѣсничаго Кургановскаго—Колоду,—и ни въ комъ не усумнился, Бобровъ, одинъ Бобровъ слѣдователь лѣзъ ему въ голову.

Поистинѣ Богъ попускаетъ, Сатана дѣйствуетъ.

Бобровъ не любопытствуетъ, какъ другіе, не спросить по пріятельству, откуда, молъ, Богъ послалъ такое и по чьей милости, но за то ужъ такъ посмотреть, а скорѣе всего просто обойдетъ, какъ обходятъ помѣтъ, чтобы ногой не попасть, а уши тогда, какъ на грѣхъ, еще чего добраго, и зашевелиятся.

„Будетъ онъ шевелить ушами или не будетъ?“—сталъ новый вопросъ, и Александръ Ильичъ упалъ духомъ, а въ глазахъ стало зелено и замелькали огненные палочки: почувствовалъ онъ, какъ при одной только мысли уши сами собой зашевелились, такъ и запрыгали, какъ у коня.

Случись дома исправничиха Марья Северьяновна, дѣло ну какъ-

нибудь да наладилось-бы: Марья Северьяновна, что хочешь, все обладать. Но исправничиха въ Чортовыхъ садахъ, ей тамъ дѣла всякаго и безъ ушей по горло.

И что онъ скажетъ Марья Северьяновнѣ? Воздвиженскій-то свой зарокъ нарушилъ, не сдержалъ слова! Какой онъ Марья Северьяновнѣ отвѣтъ дать? Не поблагодарить его исправничиха, и очень даже. И было-бъ всего лучше ему послѣ именинъ протопоповскихъ вовсе не проснуться, такъ и почить бы сномъ до радостнаго утра.

„И за что мнѣ такое? Такъ жестоко! И добро бы за грѣхъ смертный, за птичелудіе какое или за пупорѣзину тамъ, какъ говорится, а то всего и есть, что на именинахъ у священника, протопопа и притомъ отца духовнаго выпилъ рюмку вина, поздравилъ! Конечно, зарокъ нарушилъ, обѣщанія не сохранилъ, ошибся, не отпираюсь“...

Александръ Ильичъ сидѣлъ на диванѣ и шевелилъ ушами.

„Марья Северьяновна, ты отъ меня не отступишься?—горькія шли мысли,—Марья Северьяновна, не отступись“!

Александръ Ильичъ молебно поднималъ глаза:

„Не отступись!“—и вдругъ, не вѣря глазамъ, неистово замоталъ головой.

Прямо противъ него, подъ его знаменитымъ косымъ ковромъ заграничныхъ и разныхъ звѣрей, двѣнадцати шерстей разныхъ волковъ, про который шла молва, что цѣны ему нѣтъ—„сколько миллионовъ и ордаціоновъ тысячъ несмѣтныхъ денегъ“!—даръ тихвинскихъ монашекъ, подъ безцѣннымъ ковромъ трупомъ лежалъ на диванѣ Петруша Грохотовъ.

— Петруша!—покликалъ Александръ Ильичъ,—Петичка!—и затаилъ дыханіе, а сердце стучало, какъ въ дѣтствѣ когда-то на большихъ пожарахъ, до которыхъ Александръ Ильичъ всегда былъ большой охотникъ: на Петрушу ветеринара вся была его надежда.

Чутокъ на окрикъ Петруша, какъ конь, и какъ ни крѣпокъ былъ его сонъ, а и сквозь трупное хмельное забытие свое услышалъ онъ окликъ, сплюнулъ и выругался чисто по-русски; въ словахъ и движеніяхъ по природѣ своей безъ всякой застѣнчивости, Петруша даже и при дамахъ ругался, только по малоросійски.

— Петруша, Петичка!—Александръ Ильичъ голоса своего не узналъ: это былъ какой-то лисій голосокъ пѣтушку, когда лисица соблазняла пѣтушка горошку поѣсть, такъ не говорилъ Александръ Ильичъ и въ бытность свою лыковскимъ полицеймейстеромъ съ губернаторомъ, уши немилосердно дергались и онъ тянулъ ихъ вверхъ за маковку,—Петруша, спасай!

Поднялся Петруша, и водкой залитымъ глазомъ уставился на исправника,—волосы у Петруши, какъ у бѣса, стояли стрѣлами, а Петрушина пушка пыхнула вдругъ такимъ крѣпкимъ дымомъ, отъ котораго померкло само майское ясное утро, а исправникъ поплылъ куда-то съ своими ушами.

Слезно повѣдалъ Александръ Ильичъ пріятелю бѣду свою.

— Копытной мазью,—сказалъ Петруша, ждать себя не ставилъ,—трещины на копытахъ заживаютъ, вѣрное средство!

И Петрушѣ оставалось немедленно примѣнить свое вѣрное средство,—Александръ Ильичъ готовъ былъ не только смазаться этой копытной мазью, но и во внутрь принять ее, сколько влѣзетъ, лишь бы была польза,—но Петруша вдругъ завертѣлся, какъ на шилѣ, и поистинѣ запѣлъ райской птицей.

О томъ, что случай подобный ужъ былъ однажды и ни съ кѣмъ-нибудь, не съ простымъ человѣкомъ, а съ царемъ: у царя фригійскаго выросли ослиныя уши,—Александръ Ильичъ ровно ничего не зналъ, и никакого понятія не имѣлъ, а Петруша кое-что помнилъ, путая, правда, Мидаса съ великимъ тескою исправника, старинное же сказаніе о Ноѣ, какъ праведный Ной въ ковчегѣ звѣрей обуздаль, зналъ Александръ Ильичъ такъ же хорошо, какъ и Петруша.

Есть такое сказаніе о Ноѣ, какъ праведный Ной, впустивъ въ ковчегъ звѣрей, чистыхъ по семи паръ, а нечистыхъ по двѣ пары, задумалъ, обузданія ради и удобства общаго, лишить ихъ, временно вещей существеннѣйшихъ. И отъявъ у каждого благая вся, сложилъ съ великимъ береженіемъ въ хранилищу—мѣсто скрытое. И сорокъ дней и сорокъ ночей, во все время потопа сидѣли звѣри по своимъ клѣткамъ смирно. Когда же потопъ кончился и хранилище было отверста, звѣри бросились за притяженіемъ своимъ, и всякъ разобралъ свое. И лишь со слономъ вышла великая путаница, слону въ огорченіе, ослу на радованіе и похвалу.

Оселъ, стяжавшій себѣ слоновую долю, да царь фригійскій съ ослиными ушами увлекли воображеніе Петруши.

И правда, не руками, языкомъ добывалъ Петруша хлѣбъ своей насущный.

Александръ Ильичъ попадетъ будто бы въ греческую исторію, и будутъ его съ греческаго переводить въ гимназіяхъ, двойки за него ставить, да проваливать на экзаменахъ, и, само собой, повышеніе онъ получить, чуть не губернаторомъ сдѣлается, а дойдетъ до Петербурга, министерскій портфель за нимъ обезпеченъ—министръ народнаго просвѣщенія!

— Съ такимъ золотымъ сокровищемъ,—райской птицей заливался Петруша,—да такого другого съ огнемъ не сыщешь, никакимъ дубоножіемъ не взять, фактъ историческій, министр! Смотри на тебя и учись! А наши дамы! Отбоя не будетъ, Бѣлозерова орогатить можно, покажемъ ему три пальчика, Василису Прекрасную полъ вытирать себѣ заставишь.

Повышенія по службѣ Александръ Ильичъ очень хотѣлъ, но при чемъ тутъ повышеніе, никакъ понять не могъ. Что же касается дамъ и какъ это ни соблазнительно было, чтобы сама Василиса Прекрасная вытирала полъ ему, старался Александръ Ильичъ пропускать мимо ушей.

Изъ-за дамъ у Александра Ильича вышли однажды большія непріятности.

Будучи лыковскимъ полицмейстеромъ, разрѣшилъ Александръ Ильичъ цирковымъ танцовщицамъ прокатиться среди бѣла дня, и притомъ во всей ихъ прекрасной натурѣ, на велосипедахъ по Московской: танцовщицы прокатиться прокатились, а онъ полетѣлъ съ мѣста.

Копытная мазь, въ которую увѣровалъ Александръ Ильичъ и неослабно держалъ въ памяти, охлаждала всякій Петрушинъ соблазнъ.

А Петруша такое городилъ, такія живописалъ слѣдствія,—и конца тому не было, откуда шли Петрушины рѣчи.

— Да съ такимъ дубоножіемъ, это, братъ, тебѣ финики не простые, понимаешь ты, любого приштопоришь, все можно!

— Петруша, сдѣлай милость,—больше ужъ не вытерпѣлъ, перебилъ исправникъ,—Петичка, дай своей мази!

— Ма-ази...—передразнилъ Петруша,—самъ отъ своего добра

бѣжишь!—и что-то еще и совсѣмъ неподходящее буркнувъ, схватился одѣваться, и ужъ скоро совсѣмъ былъ готовъ, застегнутый и подтянутый, и только картузь на голову да за дверь.

— Петруша,—голосъ у Александра Ильича даже дрогнулъ,—я тебя очень прошу, пожалуйста, честное слово, никому не сказывай!

— Ладно, сиди ужъ,—и упорхнулъ Петруша.

И пока леталъ Петруша за своей чудодѣйственной копытной мазью къ благодѣтелю своему провизору Адольфу Францевичу Глейхеру, и пока тамъ что да какъ, въ Студенецѣ совершилось событіе немалому удивленію, но и слезамъ достойное.

Студенецъ—городъ торговый: торгуетъ Нахабынъ, Табуряевъ, Яргуновъ, Пропенышевъ, Зачесовъ—студенецкіе лѣсопромышленники, торгуетъ и уѣздный членъ суда Богоявленскій черезъ доброписца Исцова—П е л и к а н а. Зимой самая горячка—кипитъ работа: зимняя заготовка къ предстоящему сплаву, чтобы вывести лѣсъ къ рѣкѣ. Съ каждымъ сплавомъ растутъ хозяйскія накопленія. Студенецъ—городъ со средствами.

И телеграфъ круглый годъ не бездѣйствуетъ, не сидятъ, сложа руки.

Телеграфистка Нюша Крутикова, какъ всегда, принимала одно и то же и Нахабину и Табуряеву и Яргунову и Пропенышеву и Зачесову, развлечения не предвидѣлось. А за торговыми шли телеграммы случайныя: предсѣдатель Бѣлозерову, смотрителю тюрьмы Ведерникову, предводителю Бабахину да двѣ запоздалыя имениннику протопопу Виноградову:

„Наилучшія дню сердца пожеланія!“—и просто, какъ написать, по словамъ Васи Кабанчика, всякая баба:—„поздравляю съ ангеломъ!“.

Вася Кабанчикъ продавалъ марки.

День былъ базарный, на почту приходилъ народъ, были и такіе, что дожидались. День обѣщалъ быть жаркимъ и на почтѣ спирало по почтовому.

Нюша Крутикова вдругъ оживилась: любопытное что-то бѣжало по лентѣ,—телеграмма, въ Студенецъ телеграмма, да какая!

Наблюдателю епархіальному Лепетову адресована была эта

телеграмма. Наблюдателю Лепетову сообщалось извѣстіе чрезвычайное: въ Студенецъ къ одиннадцати часамъ на автомобилѣ прїѣдетъ губернаторъ.

И первый, кто узналъ эту новость, былъ Вася Кабанчикъ.

Сейчасъ же, ни минуты не медля, вѣ очереди понесъ Еремей сторожъ телеграмму къ Лепетову наблюдателю. И ужъ вся почта знала о губернаторѣ. А тѣ посѣтители, что толкались со всякими посылками, немедленно разнесли вѣсть по базару.

Безъ шапки бѣжалъ Вася Кабанчикъ съ извѣстіемъ къ почтмейстеру Аркадію Павловичу.

Аркадій Павловичъ, какъ и прочіе чины студенецкіе, сладко почивалъ себѣ послѣ именинъ протопоповскихъ, и снилась ему его любимая дичь.

Снилось Аркадію Павловичу, сидитъ онъ будто съ акушеркой Бареткиной у себя на крышѣ курятника, и летятъ будто гуси—стадо гусиное и прямо надъ головою. Аркадій Павловичъ и говоритъ сосѣдкѣ:

„Давайте, Аграфена Ивановна, имать ихъ!“

А одинъ гусь отдѣлился отъ стаи, летитъ къ курятнику. Вытянули они руки, заманиваютъ гуся, поймать хотятъ. И вдругъ такъ быстро и незамѣтно налетѣлъ этотъ гусь на Аркадія Павловича и уклюнулъ его прямо въ ладонь. Тутъ Аркадій Павловичъ хватъ гуся да за горло, сдвинулъ горло, и что же?—не гусь, оказалось, а ястребъ, да какой ястребъ...

Вася Кабанчикъ, слюня и шепелявя и по природѣ и отъ волненія, передалъ взбужженному Аркадію Павловичу чрезвычайное извѣстіе: самъ онъ, Кабанчикъ, и телеграмму принялъ безъ двадцати трехъ минутъ десять.

Не умывшись, безъ чаю, напялилъ Аркадій Павловичъ мундиръ да бѣгомъ прямо къ исправнику.

И трехногая лохматая бѣлая собака его Оскарка пустилась за нимъ.

„Самъ губернаторъ—на автомобилѣ!“—такъ и пуляло на каждой колдобинѣ, бросая почтмейстера то въ жаръ, то въ холодъ.

Александръ Ильичъ сидѣлъ на своемъ диванѣ, и надъ нимъ трудился Петруша, успѣвшій пропустить и не одну для промочки голоса у благодѣтеля своего Глейхера.

Чѣмъ-то шибаящимъ, политанью какой-то натиралъ ветери-

наръ исправнику уши, задѣвая озорства ли ради или отъ усердія мѣста непричастныя: то ляпнетъ по носу, то мазнетъ по шеѣ.

Это и была та самая копытная мазь, въ которую увѣровалъ Александръ Ильичъ.

Градомъ катились слезы, смачивая побагровѣвшія его щеки, но онъ терпѣливо выносилъ свою горькую муку и безкорыстно, ибо на томъ свѣтѣ подобная мука врядъ ли зачтется.

Ни ушей необыкновенныхъ, ни слезъ горькихъ, ничего такого не замѣтилъ почтмейстеръ. Не здравствуясь, выкрикнулъ онъ о губернаторѣ, обращаясь не столько къ исправнику, сколько куда-то къ ковру косому, стоящему „столько миллионовъ тысячъ ордаціоновъ несмѣтныхъ денегъ“.

— Въ одиннадцать на автомобилѣ губернаторъ!

„Въ одиннадцать на автомобилѣ губернаторъ!“—и, какъ рукой, вѣрнѣе самой копытной мази, въ мигъ вобрались уши и изъ ослиныхъ опять стали антоновскими. Александръ Ильичъ вскочилъ съ дивана и, вымазанный весь, выскочилъ въ прихожую за почтмейстеромъ.

И ужъ въ одну минуту весь Студенецъ былъ поднятъ на ноги.

Всѣ четыре стражника пустились по городу: надо было оповѣстить голову Опарина, протопопа Виноградова, воинскаго начальника Кобырдяева, земскаго начальника Салтановскаго, а главное, во что бы то ни стало, вызвать изъ Чортовыхъ садовъ Марью Северьяновну.

Все чистилось, мылось, скреблось, смачивалось, смазывалось, гладилось, приглаживалось, мелось, уминалось, посыпалось пескомъ, а надъ всѣмъ разносилась отборная наша родимая ругань, помогающая во всякихъ случаяхъ.

Изъ городского, изъ приходскихъ и начальныхъ училищъ сгоняли мальчишекъ къ собору. Шведовъ учитель выстраивалъ парадъ потѣшныхъ.

Ужъ стражники метались, сами не зная куда, бѣгали собаки, шарахались съ крикомъ насѣдки. Безъ толку загоняли скотъ по дворамъ. Пыль подымалась выше соборной колокольни.

Вздоръ, нескладаца, неразбериха.

Къ собору на площадь все стягивалось для встрѣчи.

Прибылъ воинскій начальникъ полковникъ Кобырдяевъ, ста-

ричокъ, пахнуцій мазями бобковой, камфорной и оподельдокомъ, и предсѣдатель земской управы Бѣлозеровъ одинъ, безъ Василисы Прекрасной, и казначей Понюшкинъ—Цапаръ, судившійся изъ-за лисы съ покойнымъ головой Талдыкинымъ: до правительствующаго сената доходили и всеподданнѣшее прошеніе на высочайшее имя подавали, и въ результатъ Талдыкинъ, заплативъ сорокъ пять рублей судебныхъ издержекъ, померъ, а лисья шкура, сданная въ полицію на храненіе, сгнила.

Быль на мѣстѣ и судья Налимовъ, и хромоногій членъ суда Богоявленскій, и земскій начальникъ Салтановскій—Законникъ, и акцизный Шверинъ—Табельдотъ, и агрономъ Пряткинъ—Свинья, и лѣсничій Кургановскій—Колода, и податной Стройскій—Донъ-Жуанъ, и смотритель тюрьмы Ведерниковъ, суетящійся съ выпученными отъ страха глазами, и Аркадій Павловичъ почтмейстеръ, и становой Лагутинъ, опухлый, съ волосатымъ кулакомъ, и членъ управы Рогаткинъ и именитое купечество студенецкое съ медалями: Табуряевъ, Яргуновъ, Проппышевъ, Зачесовъ, и только не было самага главнаго самага Нахабина, отлучившагося по дѣламъ въ Лыковъ,—все вятшіе мужи, чины студенецкіе и во всемъ парадѣ.

Вышелъ съ крестомъ протопопъ соборный о. Николай Виноградовъ и стоялъ протопопъ въ сонмѣ студенецкихъ поповъ, какъ куръ водный, сіестъ павъ—павлинь.

И самъ Александръ Ильичъ—Лучезарный съ нахлобученнымъ на уши картузомъ, какъ ужъ послѣ старались другъ передъ другомъ замѣтить, что картузъ былъ нахлобученъ, самъ Александръ Ильичъ во всей красѣ своей, страшенъ, яко левъ, отдавалъ распоряженія,—и все по его слову творилось.

А помощникъ Александра Ильича Копьевъ въ своихъ неизмѣнныхъ валенкахъ гонялся за упрямой, непослушной коровой, которую, какъ ни бились, ничѣмъ не могли согнать съ площади.

И только не видно было головы—Павла Діевича Опарина.

Сколько ни будили Опарина, сонъ его былъ непробуденъ. И всѣ средства пустили въ ходъ, какія только въ такихъ случаяхъ принимаются, и зыкъ звонный и трубный гласъ,—трусился все тотъ же Петруша Грохотовъ, но ничѣмъ нельзя было поднять голову.

И совсѣмъ ужъ было отчаялись, да клубный буфетчикъ Ер-

ломай Игнатычъ посовѣтовалъ персидскимъ порошкомъ попробовать. Персидскій порошокъ и вывелъ Опарина на свѣтъ Божій.

Привезли голову на площадь, поставили.

Съ хлѣбомъ, съ солью стоялъ голова Опаринъ въ изумленіи.

Заштатный юродствующій попъ о. Песоченскій, ненарочнымъ дѣломъ похоронившій покойника о трехъ ногахъ: третья гуттаперчевая,—нелепостно въ картузѣ своемъ, какъ псаломщикъ какой, толочся среди пѣвчихъ, прочищавшихъ горло. Моровой батюшка о. Ландышевъ, живыми и мертвыми обладающій, стоялъ въ новенькой камилавкѣ у союзаго стяга среди студенческихъ мѣщанъ, пренебрегавшихъ по старинѣ колбасной лыковской, вѣруя, что колбаса съ человѣчиной: на пудъ мяса свиного, фунтъ человѣчьяго. О. дьяконъ Завулонскій нырялъ среди потѣшныхъ и, выбирая изъ карапузовъ что поменьше, дыхалъ въ носъ ребятишкамъ:

— Я на тебя дыхну, пахнетъ или нѣтъ?—пыталъ о. дьяконъ.

Но какая сила могла скрыть вчерашнія протопоповскія именины, и притомъ такъ врасплохъ!

Предсѣдатель Бѣлозеровъ, сторонящійся студенческаго общества, только брезгливо морщился.

Базарный день собралъ народъ, какъ въ престольный праздникъ. Всѣмъ городомъ стоялъ народъ вдоль рядовъ противъ собора до самаго моста, и ужъ пройти можно было только бокомъ и то съ трудомъ.

Самъ старецъ Шапаевъ, что блудомъ лѣчитъ, не вылѣзающій со своего огорода, застысь отъ солнца, стоялъ въ кругу бабъ-поклонницъ, женъ вѣрныхъ и богобоязливыхъ, безъ шапки, босой, скорбный, съ образкомъ на груди. И бабушка Двигалка—Филиппьева, вездѣсущая, двигалась, перегоняясь съ мѣста на мѣсто, одна безъ своего благовѣрнаго Геннашки, оставшагося стеречь Колпаки. И Исцовъ—Пеликанъ, и Юлинъ парикмахеръ—Гришка Отрепьевъ, и Пашка—Пананъ, босякъ, тутъ же околачивался, беззастенчиво вымогая свой пажескій паекъ.

Малыши лѣпились вокругъ пожарнаго обоза и кишки, выставленной на показъ въ родѣ пушки.

За большой суматохой все путалось, и ужъ никто не зналъ, кого встрѣчали, губернатора или архіерея.

Туча галокъ, вспугнутая непривычнымъ гамомъ, накричавшись до хрипоты, усѣлась смиренно на бѣлый куполъ собора.

Время шло къ полудню, а автомобиля съ губернаторомъ все не было, не было и Марьи Северьяновны исправничихи, и оттого Александру Ильичу было нестерпимо жарко: прямо огнемъ пекло.

И вотъ, какъ часто случается, вдругъ пригналъ стражникъ съ вѣстью:

— Ъдетъ.

— Ъдетъ!—побѣжало по площади отъ рядовъ до моста.

И черезъ какую-нибудь минуту тѣ, что стояли ближе къ мосту, увидѣли въ густомъ пыльномъ облакѣ мчащійся автомобиль.

Автомобиль свернулъ было въ сторону къ Нахабинской лѣсопилкѣ и какъ-будто пріостановился, пріостановился, помедлилъ, и ужъ прямо помчался къ мосту, черезъ мостъ, на площадь.

Наступила торжественная минута.

Лепетовъ наблюдатель, ободѣвшій съ той самой минуты, какъ Еремей сторожъ вручилъ ему телеграмму, почему-то изъ всѣхъ его одного извѣщавшую о пріѣздѣ въ Студенецъ губернатора, вдругъ такъ смокъ, словно ведро на него вылили, и зубъ на зубъ не попадалъ.

Фараонъ, понамарь соборный, съ расковыреннымъ носомъ для протрезвленія, занесъ ногу на доску, соединяющую большой колоколъ съ маленькими, и, какъ громъ, загремѣли соборные колокола.

Шапки долой—обнажились всѣ головы.

Протопопъ поднялъ крестъ.

Автомобиль, между тѣмъ, замедливъ ходъ, ужъ тихо катилъ, спотыкаясь о колдобины.

— Караулъ! Спасите!—возопилъ голова не своимъ голосомъ, вдругъ, вышедши изъ и з у м л е н і я своего, и, растопыривъ руки, прісѣлъ кулькомъ.

Александръ Ильичъ бросился къ дверцамъ.

Дверцы открылись. И какъ-то сразу на обѣ ноги выпрыгнулъ изъ автомобиля Соленый огурчикъ, а въ спину экзаменатору ткнулась нахабинская ковшомъ борода.

Потѣшныя грянули ура.
И звонили по всему Студенцу.

Когда клубнымъ пріятелямъ все надоѣдало—и карты и буфетъ, пускались обыкновенно на всякія выдумки: пили со свѣчкой—въ лѣвую руку огарокъ, въ правую—бутылку, или ставили на коверъ ведро водки, раздѣвались до гола и садились въ кружокъ—зачерпнуть желѣзнымъ ковшомъ, и пойдеть ковшъ въ круговую, такъ будто бы душа пропускаетъ.

Въ этотъ вечеръ послѣ утренней раструски, которая чуть было не стоила жизни головѣ Опарину,—долго голова не могъ возвратиться въ свой умъ, кричалъ птицей, свистѣлъ и никого не узнавалъ, но когда все такъ хорошо кончилось, не надо было друзьямъ прибѣгать для развлечения ни къ какимъ выдумкамъ: и безъ того всего было чересчуръ много.

Вечеромъ въ клубѣ чествовали виновника торжества экзаменатора Лепетова губернскаго—Соленаго огурчика.

Не встрѣча экзаменатору Лепетову—подвезъ экзаменатора на своемъ автомобилѣ изъ Лыкова Нахабинъ, не всѣ тѣ и досадныя и счастливыя, связанныя съ встрѣчей, внезапности, объ этомъ еще будутъ говорить, по крайней мѣрѣ, до слѣдующихъ именинъ протопоповскихъ, занимали общество дѣла семейныя.

Петруша Грохотовъ съ быстротою молніи, по его любимому выраженію, постарался всѣхъ оповѣстить о чудѣ съ исправникомъ и о своей копытной мази: на четыре вѣтра прокричалъ ветеринаръ антоновскія уши.

И чего только не было сказано и пересказано о этихъ ушахъ чудесныхъ, отъ которыхъ ужъ давнымъ давно и слѣда не было!

Ноево сказаніе, къ слову пришедшееся, Петруша разсказалъ во всеуслышаніе и со всѣми мельчайшими подробностями, съ перечисленіемъ звѣрей ковчежныхъ, а для наглядности и вразумительности уподоблялъ звѣрей присутствующимъ пріятелямъ, и много руками дѣйствовалъ, яко бы за недохваткой словъ точныхъ.

— Что же теперь съ Александромъ Ильичемъ будетъ?— допрашивали дамы ветеринара.

— Да отпадутъ, какъ и не было!—облизывался Петруша.

— А онъ лягаться не будетъ?

Но тутъ Петруша такое понесъ, ну, прямо изъ хрестоматіи Поливанова для старшаго возраста, работы учителя Шведова.

И вотъ въ самый разгаръ Петрушиныхъ рѣчей вошелъ въ клубъ Александръ Ильичъ, и сразу во всѣхъ пяти клубныхъ комнатахъ наступила мертвая тишина.

Александръ Ильичъ былъ, какъ всегда, лучезаренъ, но было въ немъ что-то и не похожее на него: сосредоточенность какая-то, словно бы одна изводящая мысль не покидала его, а по-просту говоря, Александру Ильичу хотѣлось напиться.

Марья Северьяновна, вернувшаяся изъ Чортовыхъ садовъ какъ-разъ въ самую развязку, когда вмѣсто губернатора вылъзалъ изъ нахабинскаго автомобиля Соленый огурчикъ, нельзя сказать, чтобы осталась очень довольна, и Александру Ильичу попало на орѣхи.

— Оселъ!—сказалъ кто-то ужъ черезчуръ раздѣльно, какъ скажетъ тотъ, кому не достаетъ только свалиться подъ столъ и захрапѣть.

— Если и оселъ, то всѣ ослы!—поправилъ Петруша, какъ на ногу, такъ и на слово легкій.

И произошло нѣчто совсѣмъ ни на что непохожее: Александръ Ильичъ, покорно цѣлые часы слушавшій Марью Северьяновну и наслушавшійся отъ нея немало всякихъ о словъ, тутъ потерялъ и самое малое терпѣніе, размахнулся и кулакомъ ударилъ по лицу подвернувшагося подъ руку агранома Пряткина—Свинью.

И поднялось сущее столпотвореніе и разсѣяніе языкомъ, чуть дѣло до ножей не дошло, недоставало только крикнуть, пожаръ.

Одни тянули Пряткина, другіе Александра Ильича, и, какъ это часто бываетъ, помяли бока и совсѣмъ не тому, кому слѣдуетъ. А никому, собственно, боковъ мять и не слѣдовало, просто надо было растащить сѣпившихся.

Да такъ оно въ концѣ концовъ и случилось.

Виновнаго отыскали. Уговорили, утихомирили противниковъ и принялись за мировую.

Волей неволей долженъ былъ Александръ Ильичъ выпить и, вторично зарокъ нарушивъ, опять разрѣшилъ.

А Вася Кабанчикъ, съ пьяныхъ глазъ выкрикнувшій изъ уголка исправнику о с л а, — Вася Кабанчикъ почему-то считалъ себя единственнымъ виновникомъ всей путаницы, о Нюпѣ Крутиковой и помину не было, — Вася Кабанчикъ былъ извлеченъ изъ-подъ стола и въ библіотекѣ подъ дружный гоготъ, совсѣмъ безчувственного, его потрошили.

И натѣшившись надъ Кабанчикомъ, качали обезноженного экзаменатора Лепетова, — С о л е н а г о о г у р ч и к а, потомъ сѣли ужинать.

За ужиномъ Петруша впалъ въ ражъ и, вздурясь и спяна, вызвался показывать фокусы: Петруша хотѣлъ во что бы то ни стало проглотить вилку черенкомъ.

— Да ты не съ того конца! — наставлялъ Петрушу Рогаткинъ.

А Петруша, зная ничего не желаю, совалъ себѣ въ ротъ вилку и давился.

— А я вотъ такъ, — кочевряжился на другомъ концѣ акцизный Шверинъ, — я въ носъ всуну орѣхъ волошскій, а изъ другой ноздри выскочитъ у меня грецкій.

— Только мое снисхожденіе, что ты со мной тутъ сидишь, — тянулъ свое секретарь Нѣмовъ сосѣду Рогаткину, — а то быть бы тебѣ въ острогъ. Кто голодающую муку въ рѣкѣ утопилъ?

— Шутки изволите шутить, Василій Петровичъ, самъ Господь Богъ, буря поднялась! — какъ самоваръ, сіялъ Рогаткинъ, посмѣиваясь въ бороду надъ господской компаніей.

А Петруша бросилъ вилку и ужъ рассказывалъ, какъ въ Петербургѣ семидюймовые гвозди въ языкъ вбиваютъ и совсѣмъ безнаказно.

Хмель разнималъ пріятелей.

И вдругъ съ улицы черезъ раскрытыя окна донеслась надрывающаяся пороссячья фистула:

— Караулъ! Спасите! — надрывался умоляющій голосъ.

Мимо окна прогремѣлъ тарантасъ.

И къ общему удовольствію всѣ узнали голосъ доктора То-

ропцова: слѣдователь Бобровъ везъ пьянаго доктора въ Щеву на слѣдствіе, а ѣхать туда—не на милое поле, и докторъ вопилъ.

И снова все оживилось, отъ фокусовъ перешелъ разговоръ на излюбленные пересуды о слѣдователѣ,—и трепался Бобровъ и вкось и вкривь.

А часъ близился къ мирному сну.

Ермолай Игнатычъ ужъ пустилъ въ ходъ свою сли-
вянку—смѣсь всякихъ винъ, да горькій милефоль—тысяче-
листникъ на любителя. Кто-то по обычаю сдѣлалъ попытку раз-
дѣться. И все было хорошо, а чего-то не хватало. Ну, чего же?

И наступила чувствительная минута.

Нѣмовъ, Стройскій, Пряткинъ и Петруша затаили свой
любимый романсъ.

Александръ Ильичъ, сначала подтягивавшій баскомъ, изъ
безпечности впалъ въ ожесточеніе.

— А кому какое дѣло, что я пьянъ!—надмеваясь сердцемъ,
твердилъ онъ, глядя передъ собою.

А Салтановскій—Законникъ стучалъ кулакомъ и со-
всѣмъ не кстати жалобно нылъ:

— Буду цѣловать тебя въ безконечность!

И плакалъ Пряткинъ—Свинья:

— За что меня обидѣли?

А съ другого конца говорилъ кто-то, будто очнувшись:

— Ну, что-жъ, поживемъ пока что, еще милефоль!

А въ ушахъ отдавало:

— Караулъ! Спасите!

Кто это кричалъ, Опаринъ ли голова, докторъ ли Тороп-
цовъ, не хотѣлось разбирать, да и не разобраться. Мысли пута-
лись, языкъ не слушался и было все равно: экзаменаторъ Лепе-
товъ или губернаторъ Лепетовъ, ослиныя уши или человѣчьи
антоновскія, слѣдователь везетъ доктора или докторъ слѣдова-
теля,—все равно и все ни къ чему. Какъ ни къ чему?..

И застило глаза пьяной слезой.

Не говори, что молодость сгубила,
Ты ревностью истерзана моей,
Не говори, что...

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ВОЖДЬ ЖИЗНИ.

Поль-лѣта стояло дождливо, поль-лѣта тепло, и прошло тихо. Лѣтомъ, собственно, и событіямъ совершаться не полагается, не такое время.

Какъ водится, и въ городѣ и кругомъ въ деревняхъ много было пожаревъ и ночью и среди бѣла дня. Убійства совершаются по праздникамъ, а пожары предвидѣть невозможно. И часто горѣло черезъ всю ночь до свѣту, всю ночь билъ набатный колоколъ всполохъ, и, какъ труба, ходилъ огонь по городу.

Въ клубѣ выпивали пива большие, чѣмъ зимой, зато водки и всякаго милефоля поменьше: лѣтомъ гслова кружится. Разговоровъ о именинной встрѣчѣ экзаменатору Лепетову и о ушахъ чудесныхъ, какъ и надо было думать, хватило на цѣлое лѣто.

На Троицу градъ выпалъ больше желтка яичнаго, а на Петрово говѣнье усмотрѣна была вѣдьма.

Сушковскія ребятишки—самъ Сушковъ кузнецъ, кузня за чайной Колпаками — кузнечата первые донесли о вѣдьмѣ: бѣгали ребятишки къ монастырю мимо оврага, бѣгутъ вечеромъ домой, а изъ оврага имъ кто-то въ бѣломъ—вѣдьма.

Пошли слухи и толки, и скоро весь Студенецъ зналъ о вѣдьмѣ и ходить ужъ боялись мимо оврага. А тѣ смѣльчаки, что подходить къ оврагу рѣшались, рассказывали много разнаго и чудеснаго: кто говорилъ, что собственными глазами видѣлъ парикмахера Юлина—Гришку Отрепьева, варилъ будто бы Гришка въ котелкѣ себѣ ужинъ, а вѣдьма рядушкомъ съ нимъ

сидѣла и они разговаривали, а другіе добавляли при этомъ, что у вѣдьмы копыта лошадиныя, а руки человѣчьи, тоже собственными глазами видѣли.

Почему именно Юлинъ попалъ въ столь странную компанію, одинъ Богъ вѣдаетъ,—Юлинъ у всѣхъ на виду, Юлинъ одинъ на весь Студенецъ и стрижетъ и брѣдетъ. И странно, когда слухъ дошелъ до него, сначала онъ очень храбрился и кое-кому даже „морду набилъ“, а потомъ прпсмирѣлъ и какъ-то подозрительно сталъ хорониться.

Богомольцы, приходящіе въ Тихвинскій монастырь, съ трепетомъ обходили и парикмахерскую Юлина и оврагъ нечистый, иные, страха ради, вплавъ переплывали Медвѣжину, боясь опоганиться.

И залегла бы дорога—путь въ монастырь, какъ въ былые дни путь къ Кіеву отъ Соловья Разбойника, не вступишь въ дѣло самъ Александръ Ильичъ, рѣшившій взять вѣдьму силою.

Намѣреніе Александра Ильича было непоколебимо, твердо и благочестиво. И въ одинъ прекрасный день, очертя чертою, оцѣпилъ онъ оврагъ стражниками, а смѣльчаки съ ломами и палками спустились въ оврагъ. И тутъ ужъ кто съ чѣмъ, кто съ камнемъ, кто съ кирпичомъ принялись закидывать яму.

И вдругъ изъ ямы—собака, да большущая, лохматая, бѣлая собака о трехъ ногахъ, за ней щенята. Бросились вдогонку, а ея ужъ слѣдъ простылъ. Такъ и упустили.

И какъ ни было очевидно, что это—собака, не вѣдьма, и притомъ собака ярлыковская—Оскарка, а Юлинъ парикмахеръ совсѣмъ не при чемъ, Юлина все-таки поцарапали, да такъ, что Гришкѣ хоть ножницы забрасывай.

И кое-кто изъ смѣльчаковъ попалъ въ камеру Боброва, и, конечно, отправился прямымъ путемъ въ острогъ.

На Ильинъ день, какъ и въ старыя времена, прибѣгаль дорогой неуторенной и неуѣзженной изъ лѣсовъ студенецкихъ на Медвѣжину олень—золотые рога, куналъ олень въ Медвѣжину золотые рога. Но вода тепла, не остудилась Медвѣжина, и ильинскимъ дождемъ не попрыскало землю, и дни не похолоднѣли. И пришлось оленю въ канунъ Спасова дня опять прибѣгать на Медвѣжину, опять мочить въ рѣкѣ золотой свой рогъ.

А на Спасъ—на горѣ бабушка Двигалка—Филиппьева чорта родила.

Двигалкѣ подѣ семьдесятъ, Геннашкѣ, мужу ея, дай Богъ, подѣ сорокъ, а то и того нѣтъ, мужикъ здоровый: спяну ли на Двигалкины деньги позарился, либо Двигалка ключами своими—двѣнадцатью ключами обошла мужика, что-то не безъ того. Ну, съ Двигалкой Геннашкѣ радость не великая, и сошелся онъ съ работницей Васихой,—въ чайной у нихъ въ Колпакѣ хъ прислуживала.

Да отъ Двигалки развѣ что скроешь,—на то и Двигалка она, чтобы все и про все знать.

Пробовала старуха мыться медомъ, да послѣ пить Геннашкѣ давала,—не помогло, и задумала старуха попугать Геннашку, чтобы ужъ во вѣки вѣчныя ему не шататься.

Поѣхалъ Геннашка въ Лыковъ за товаромъ, осталась дома одна Двигалка, затопила Двигалка подѣ вечеръ баню, позвала Бареткину акушерку, да въ банѣ и разрѣшилась.

Черный маленькій чортикъ мохнатый и съ хвостикомъ,—вотъ каковъ плодъ ея чрева!

Бареткина въ полицію:

— Такъ-и-такъ, у бабушки Двигалки черный маленькій мохнатый съ хвостикомъ, а шейка свернута!

Налили въ банку спирту, Двигалкина чортика въ банку, въ спиртъ, да Торопцову доктору на осмотръ.

Иванъ Никанорычъ, хотъ и пьющій, а людямъ добра не мало сдѣлалъ, и въ сколькихъ только поминаніяхъ о здравіи ни записанъ, на ектинѣ за обѣдней поминають: взглянетъ Иванъ Никанорычъ глазомъ и ровно сквозь кожу во внутрь тебя все видить.

— Мертворожденный котенокъ! — сказалъ Иванъ Никанорычъ.

Котенокъ! — Вѣра Торопцову велика, да ужъ тутъ не до вѣры.

— Я ничего, я нечистаго не знала, пряникомъ меня окормили!—звонила Двигалка звонче ключей своихъ волшебныхъ,—и зачала я и родила отъ пряника: Васиха работница принесла мнѣ съ базара пряникъ, съѣла я пряникъ и почувствовала тяжесть

А Геннашка мало того, что навѣки вѣчные перепугался, Геннашка совсѣмъ рухнулся: кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двигалку?—только одно въ умѣ и держать, извелся весь, какъ чортъ почернѣлъ, и отъ вина ослабъ. И ужъ каждому встрѣчному и поперечному все свое о чортѣ. Самъ къ Боброву въ камеру влѣзъ, ровно какой нечистикъ.

— А вы слышали, Сергѣй Алексѣвичъ, извините за дерзость, баба чорта родила,—глядя куда-то въ сторону, съ опаской шепталъ Геннашка,—одинъ остался, у Ивана Никанорыча въ банкѣ сидитъ. Родила-то старуха ихъ много, черти, что поросята, ихъ много заразъ родится, первому дала она соскочить на полъ, а нечистый самъ далъ ему силы, онъ, первый-то, и утекъ, а второй, какъ появился, бабка хватъ, да шею ему и свернула, онъ и попался въ руки!—шепталъ Геннашка, а въ головѣ крутило: кого ему напередъ порѣшить, Васиху работницу или жену Двигалку?

Двигалкина чорта—котенка показывали Боброву.

Бобровъ не принялъ дѣла.

Осенью въ Студенецъ пріѣхалъ изъ Лыкова судъ,—началась сессія.

Бобровъ слѣдилъ за дѣлами. И все было такъ, какъ надо: убійцъ, имъ привлеченныхъ, всѣхъ осуждали,—однихъ приговаривали къ каторгѣ, другихъ въ арестантскія роты, изрѣдка сажали въ острогъ.

И щевского поджигателя Сухова—дѣло особенно памятное и потому, что случилось оно какъ-разъ въ студенецкое дубоножіе съ чудесными антоновскими ушами и именинной встрѣчей экзаменатору Лепетову, и потому, что пришлось тогда дѣлать на поджигателя не легкую облаву, щевского поджигателя, во всемъ въ концѣ концовъ сознавагося, закатали по всей строгости.

И было отчего быть довольнымъ Боброву, можно было порадоваться: законъ одолѣлъ! И онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно на своемъ мѣстѣ, прочно и бодро.

А вѣдь какой грѣхъ вышелъ: поджигатель-то не поджигателемъ оказался,—совсѣмъ ни за что пропалъ человѣкъ!

Дней черезъ пять послѣ суда явился изъ Щевы къ Боб-

рову мужикъ Балякинъ и во всемъ повинился: его грѣхъ, онъ Балякинъ, во всемъ виноватъ, онъ мужика Торопова поджегъ и ложно на Сухова показалъ, а Суховъ не при чемъ, Суховъ у своей бабы овцу укралъ и пропилъ, и отъ бабы—люта очень,—въ банѣ схоронился.

— Всякая вина виновата!—топотался мужиченка.

Допросивъ Балякина, Бобровъ отправилъ его въ полицію, а самъ поѣхалъ въ Щеву на горѣлое мѣсто провѣрить Балякина.

И въ Щевѣ, на мѣстѣ, теперь все подтвердило, что поджегъ не Суховъ, а Балякинъ, а Суховъ отъ бабы своей схоронился,—ошибка судебного слѣдователя.

Какъ, онъ, Бобровъ, сдѣлалъ ошибку! Его, Боброва, обвели вокругъ пальца! Вотъ тебѣ и молю всѣ зубы переломаетъ!

И эта ошибка была камнемъ, пущеннымъ въ него—ему въ сердце, непреклонное и твердое, какъ самъ камень, и горькое, какъ желчь.

И не то скребло у него на душѣ, не того ему было страшно, что теперь ужъ за эту ошибку схватится всякій, кому только охота, будутъ всюду трубить, ногой на него наступать, а то его точило, что онъ, Бобровъ, такъ жестоко и позорно обманулся.

Но на первыхъ порахъ онъ не растерялся, нѣтъ, онъ какъ-то весь подтянулся, словно выросъ.

Да, онъ ошибся, онъ виноватъ — всякая вина виновата! — но онъ исправить ошибку, и все будетъ такъ, какъ надо.

Сгоряча ему представлялось дѣло просто и ясно.

Возвращаясь изъ Щевы ночью, свалился Бобровъ съ тарантаса въ глубокой лакутинскій оврагъ и бокомъ ушибся больно о камни, но сразу поднялся, будто и не падалъ,—ничего не замѣтилъ.

Куда ужъ замѣтить!

Въ Студенцѣ ждали дѣла.

А вѣдь дѣла эти особенно теперь нужны ему были. Безъ нихъ ему теперь, какъ безъ рукъ. Безъ нихъ ему—что ужъ говорить! — больше и дыхнуть нельзя. Да, онъ исправить ошибку, мало того, онъ дѣлами и только дѣлами изгладить эту ошибку.

Богъ вѣсть отчего такъ бываетъ въ жизни: въ злые ли дни ты родился или подъ враждебной звѣздой, но нѣтъ покоя тебѣ, которымъ бы утѣшилась душа, а такъ тебя и крутить, и падаютъ на твою голову горе и позоръ, и ужъ не знаешь, кто толкнетъ, что тебя свалить?

Чѣмъ не хороша была жизнь Василисы Прекрасной, чѣмъ ей плохо у предсѣдателя? Прежде-то, бывало, надъ помпой погни спину, иззябнешь, издрогнешь, всѣ пальцы одервенѣютъ, а теперь въ теплѣ, да въ холѣ, какъ у Христа за пазухой,—барыня, и обута, и одѣта, и сыта. Голышомъ-то по теплой комнатѣ прохаживаться не ахти какъ трудно! А вотъ, подижь ты! Душа у Василисы заболѣла. Душа заболѣла и все опостылѣло, не милъ ей и бѣлый свѣтъ, хоть руки на себя накладывай.

Долго томилась Василиса, въ себѣ таила,—ночью ходить передъ и до ломъ своимъ, а самоѣ слезы душать и, какъ камень, вотъ гдѣ! А онъ разлегся, лежитъ на диванѣ, курить... какъ пѣсъ, сидитъ: двери заперты, никого не подпустить.

Терпѣла Василиса, терпѣла, да не въ терпѣжъ видно, болить душа, и рѣшила итти къ старцу. Улучила Василиса минуту—самого-то не было дома, да по задворкамъ и пробралась на огородъ къ Шапаеву: какъ скажетъ старецъ, такъ она и сдѣлаетъ.

Шапаевъ встрѣтилъ Василису ласково, разспросилъ ее—какъ на духу все открыла ему Василиса, и нашелъ старецъ, что бѣсъ въ Василисѣ, а бѣса изгнать можно.

— Смириться надо,—сказалъ старецъ,—въ бархатѣ ходишь, а грѣхомъ живешь. По естеству-то все Богъ прощаетъ, а нагишомъ ходить не показано, не по естеству это. Ходишь ты вотъ передъ нимъ, а бѣсы-то радуются, безстыжая, безстыжествомъ распалила его. Смириться надо. Грѣхъ красотой творишь, а расточи эту красоту, унизь ее! Гордыня въ красотѣ твоей! Смириться надо. Въ церковь пойдешь, вырядишься—Василиса Прекрасная!—а ты подъ ноги брось ее, красоту свою, расточи ее!—и руки его ужъ потянулись къ ней.

Отшатнулась Василиса, потунилась,—знала она, къ чему поведетъ, а страшно.

— Что больно стыдлива стала?—захрипѣлъ старецъ и вдругъ

властно прямой весь, прямо:—а я тебѣ говорю, смирись, не щади себя!

Старецъ по кличкѣ, Шапаевъ не такъ ужъ былъ старъ, правда, сѣдъ и ногами худъ, словно простываль ногами и оттого все вздрагиваль, но худоба его, жилистость эта была, какъ сталь, крѣпка, и, конечно, не съ однимъ, съ легиономъ бѣсовъ управиться могъ Шапаевъ.

Василиса на все согласилась. И деньги, какія есть, все отдаетъ.

Шапаевъ и сталъ изгонять бѣса...

Василиса Прекрасная, какъ-то ты теперь къ Идолу своему покажешься? Что ему скажешь? И что онъ тебѣ скажетъ? А пріятели клубные? Вѣдь, это они по тебѣ плакали, когда въ чувствительную минуту пьяные пѣли: Нѣмовъ, Стройскій, Пряткинъ и Петруша! Василиса Прекрасная, еще не поздно, еще есть минута, вѣдь это самъ бѣсъ водить тобой!

А ей что? Ей-то что, когда вся душа болитъ! Душа болитъ! Все, что захочетъ, все пускай дѣлаетъ!

И нѣтъ ужъ этой минуты, поздно.

Шапаевъ изгонялъ бѣса... по своему изгонялъ бѣса. У! куда бѣсъ!

И вышелъ бѣсъ изъ Василисы.

Старецъ дрожалъ весь, глаза помутнѣли и волосы слиплись, вдругъ суровый такой. А Василиса отъ радости въ ноги, ноги ему цѣлуетъ: полегчало, какъ съ души у ней свалилось, совсѣмъ легко, совсѣмъ тихо, ну, какъ прежде, какъ бывало, когда надъ помпой мерзла. Совсѣмъ ей легко.

— Ну, смирилась, а грѣхъ еще очистить надо,—и Шапаевъ еще разъ велѣлъ притти Василисѣ,—отпускную молитву возьми! Молитва есть такая!—сказалъ сурово, суровый, не посмотрѣлъ на нее.

И не разъ, трижды придетъ Василиса, если такъ надо.

Нынѣшніе старцы на послушаніи морятъ. И время не такое ходить по своей волѣ—растерялся, ослабъ человѣкъ, а главное измалодушествовался, куда ужъ такому за свой-то страхъ дѣла подымать, спасать человѣчество, распустился народъ. Да и дни не за горами, дни ужъ идутъ на насъ, о которыхъ и сказать страшно. Надо собраться, надо подгото-

вить, надо душу выковать, духъ укрѣпить. Вотъ старцы на послушаніи и морять.

Старцами недовольны, на послушаніе ропщутъ. А старцы непреклонны, слышать ничего не хотятъ, знай, одно свое: послушаніе. И правы.

Ну осмотримся, надумаемся, поглядимъ на себя, по Россіи-то оглянемся, что мы такое, что у насъ за душой-то, много-ль добра, что за добро, и сильны ли средства нашей несильной малодушной силы?

Такъ говорятъ старцы.

Недовольны старцами, не понимаютъ ни мыслей, ни замысловъ ихъ и, случается, бѣгутъ — „давай спасать человѣчество!“ — слѣпые, берутся за дѣла и пропадаютъ: слѣпые, нетвердые сбиваются, и пропадаютъ да и другихъ губятъ.

Глупые, ничего-то не смыслятъ, ничего не чувятъ, ничего не видятъ, не любятъ и не желаютъ! Ну куда ты пойдешь: силы курячи, душенка воробьиная, что сдѣлаешь, что выдумаешь, чего достигнешь, кому поможешь?

Такъ говорятъ старцы.

И правы. Ну, сказать правду, всякая обезьяна чудеса нынче творить хочетъ. Голыми руками съ папирской въ зубахъ даръ Божій хотятъ получить. А соблазнъ еще больше и жить труднѣе. Еще бы!—обезьяна чудотворить полѣзла, и слѣпой слюнявый мерзенышъ хозяйствуетъ.

Трудно было Василисѣ незамѣтно изъ дому выбраться, да надо, грѣхъ надо молитвой смыть,—самъ старецъ сказалъ. На душѣ легче, а все будто прилипло нечистое что, а вотъ возьметъ молитву и какъ изъ купели выйдетъ. И опять выискала Василиса минуту, опять по задворкамъ, да на огородъ къ старцу.

Какъ же! Помиловалъ ее Господь, исцѣлилась она, только бы ужъ молитву-то получить.

Пришла Василиса къ Шапаеву за молитвой. А бѣсъ-то, видно, какъ вышелъ тогда изъ Василисы, да въ старца, такъ прямо въ старца и прыгнулъ. Какая ужъ молитва! И слова сказать не можетъ, позеленѣлъ, фукаетъ, какъ котъ, въ щель, да какъ набросится на нее и опять за свое... такъ и ломить бокомъ,

и тогда образокъ заскрипѣлъ на груди, руки—желѣзо, грудь, какъ кузнечный мѣхъ.

Вся душа перевернулась у Василисы—вѣдь она грѣхъ приняла и молитвою снять его хотѣла!—и тамъ, въ безвѣстномъ, тамъ, въ тайномъ ея сердца, все запылало.

— Окаянный!—вздригнуло сердце.

Рвется—не вырвешься, рвется Василиса,—не тутъ-то, нѣтъ, не отпустить... да вырвалась,—не тутъ-то, такъ и хрупнули его хваткіе пальцы!—вырвалась да бѣжать.

А куда? Кто ее выслушаетъ, кто заступитъ? Идолъ? Нѣтъ. Къ кому же идти? Гдѣ искать правды? Да къ кому,—къ слѣдователю, къ Боброву.

Василиса—къ Боброву.

Все выслушалъ Бобровъ, слова не проронилъ, но съ чѣмъ Василиса пришла, съ тѣмъ и ушла,—обида не снялъ, а дѣлу данъ былъ законный ходъ.

И изъ всѣхъ дѣлъ шапаевское дѣло было у Боброва въ первую очередь: тутъ-то онъ покажетъ себя!

Шапаевъ не могъ не знать, что вызванный къ Боброву, въ концѣ концовъ, а не минуетъ онъ острога, и поклонницы-бабы затѣвали скрыть старца, грудью стать, не выдать.

Старецъ и въ усь не дулъ.

— Я съ Богомъ разговариваю,—училъ онъ бабъ своихъ, овецъ неразумныхъ,—всякій день къ Богу обращаюсь и не боюсь, чего же мнѣ сыщика-то бояться!

И правда, Шапаевъ говорилъ ничуть не робѣя и даже совсѣмъ не робѣя. И было похоже на то, что хоть и сидитъ Бобровъ и спрашиваетъ, а Шапаевъ стоитъ передъ нимъ и отвѣчаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не Шапаевъ у Боброва, Бобровъ у Шапаева на допросѣ.

Старецъ не отпирался, да, лѣчилъ онъ Василису блудо-дѣянiемъ и вылѣчилъ, и деньги онъ у нея взялъ, да.

— А больше ничего,—Шапаевъ даже прилепнулъ своей жилистой ногой и вдругъ скосилъ къ носу глаза,—кто вѣсть Божія, токмо духъ Божій, неизвѣданы судьбы его, неизслѣдовано путіе его!

И разговоръ какъ-то само собой повернулся совсѣмъ къ другому—дѣло не въ блудѣ и бѣсѣ, и не въ деньгахъ, и не въ

насиліи!—разговоръ повернулся къ крѣпости Бобровской, къ закону его, къ его вѣрѣ неколебимой въ законъ.

По Шапаеву выходило такъ, что нѣтъ преступленія. Нѣтъ преступленія, а есть несчастье. А несчастье отъ грѣха: въ мірѣ грѣхъ ходитъ, муты среди людей дѣлаеть.

— Гдѣ человѣкъ, тамъ и грѣхъ!—какъ молоткомъ, стучали слова.

И тотъ, кого грѣхъ попутаетъ, не преступникъ, а несчастный. И на все на то Божья воля. И не человѣку судить несчастнаго, не человѣку карать его: ужъ въ несчастѣ своемъ несесть грѣшникъ-несчастный свою кару—несчастье свое. И ужъ если повиненъ кто наказанію, то не тотъ, кто преступленіе совершилъ, а тотъ, кто осудилъ этого преступника, окаратель его.

— Грѣшникъ, униженный, многое постигаетъ, грѣшный ближе къ Богу, онъ-то и думаетъ о Богѣ, молится, грѣшникъ первый предстанетъ предъ Господомъ,—сказалъ старецъ, и въ голосъ его прозвучала великая скорбь и горькое раскаяніе.

И на минуту потянуло Боброва безъ всякихъ отпустить его домой, но онъ сразу спохватился, и только подвинулъ свои сухіе длинные пальцы.

Шапаевъ продолжалъ рассказывать, Шапаевъ говорилъ присказульками, на все давалъ отвѣты, сказывалъ и сказки.

А изъ всѣхъ путанныхъ словъ его, изъ всѣхъ сказокъ его былъ одинъ выводъ, да такъ будто бы и въ мудрыхъ людяхъ слухъ идетъ, что лишь подвигомъ народъ исцѣляется, а самый большій подвигъ въ вольномъ страданіи.

— Весь отъ себя отступи и отвергнись отъ себя, прими на себя чужую вину, возьми крестъ другого и неси этотъ крестъ за другого,—какъ молоткомъ, стучали слова.

Вольное страданіе, это сладкое узничество за другого и спасетъ будто бы русскій народъ, просвѣтитъ его сердце, очиститъ его душу.

До вечера думалъ Бобровъ, не отпускатъ Шапаева, пробоваъ толковать ему о своемъ—о законѣ, но старецъ преко-словилъ ему.

— Говоришь хорошія слова, а самъ о хорошемъ и понятіи

не имѣешь!—не мирно сказалъ Шапаевъ, тѣмъ разговоръ и кончился.

Бобровъ писалъ постановленіе—какой еще можетъ быть разговоръ!—а Шапаевъ, скосивъ глаза къ носу, стоялъ нахмуренный, бормоча что-то, молитву свою.

— Пресвятая Богородица наша по мукамъ ходила...—сказалъ вдругъ Шапаевъ.

Бобровъ на минуту отложилъ перо, прищурился.

Шапаевъ дергался.

— Пресвятая Богородица наша по мукамъ ходила, Михайло архангелъ водилъ ее, показывалъ...—и голосъ его упалъ,—и оставила Богородица рай, Сама пошла въ муку, къ намъ, въ муку, съ непрощенными мучиться и мучается и стонаетъ и молить за насъ изъ муки, за весь міръ заступница. Между людьми и Богомъ ниточки есть...—и замолкъ и сталъ такой скорбный и униженный, смотрѣть на него больно.

Шапаевъ понелъ въ острогъ, а Бобровъ къ себѣ—въ жестокое молчанное житіе свое.

Ночь, запершись, Бобровъ не присѣлъ къ столу, не раскрылъ книги. Не до чтенія ему было. Растревоженный, выбитый изъ колеи привычныхъ мыслей, метался онъ по своей комнатѣ, какъ послѣ допроса въ одиночкѣ запутавшійся воръ острожникъ. Въ комнатѣ было тѣсно. Ему бы куда гдѣ попросторнѣй!

Ошибка съ поджигателемъ не выходила у него изъ головы, и незабытой памятью стояли слова Шапаева.

А можетъ быть, онъ и раньше ошибался, и не одинъ разъ, да только такъ проходило? И развѣ онъ не знаетъ, что хорошо?

И было такое чувство, какъ на обыскѣ, и оно не отпускало его, только гонялся онъ не за поджигателемъ, а за самимъ собой.

И вотъ въ первый разъ за столько лѣтъ онъ спросилъ себя, да правъ ли онъ съ своей законностью, и надо ли русскому народу его законность, въ законности ли все спасеніе Россіи?

Когда его вывалилъ ящикъ Фарутинъ, онъ почувствовалъ, какъ внутри его перевернулось что-то, но онъ забылъ тогда же,

будто и не замѣтилъ, а вотъ вспомнилъ, а вспомнилъ потому, что въ душѣ его что-то перевернулось.

Острая боль подкатывала къ сердцу.

Что же спасетъ Россію, если не его законность? Подвигъ, вольное страданіе? А его законность? Куда же дѣвать законъ? И онъ, слѣдователь, не нуженъ Россіи? Куда ему-то дѣваться?

Въ душѣ его что-то перевернулось, въ безвѣстномъ и тайномъ его сердца, и вернуться къ прошлымъ ночамъ съ ихъ гнѣвомъ и проклятіемъ онъ уже не могъ, не могъ думать по старому, вести мысль по протореннымъ путямъ. И вскрылись тѣ больныя точки, которыя столько лѣтъ обходилъ онъ, хоронясь за свою завѣтную тетрадь—за обличенія свои, ставшія, какъ вино, привычкой.

Онъ вдругъ о женѣ вспомнилъ и съ той захватывающей тоскою, съ какой вспоминалъ только въ первые годы разлада, ту ночь вспомнилъ, когда его къ женѣ ночью позвали.

„Знаю, все знаю!“—ясно прозвучалъ надъ нимъ ея голосъ, тѣ слова ея.

И ему стало обидно за все, и жаль всего, жизни своей, которая такъ истратилась ни за что.

Какъ ни за что? Да вѣдь онъ отдалъ всю свою жизнь на защиту закона—въ защиту русскаго народа, который гибнетъ отъ беззаконства. Онъ творилъ дѣло души своей. Онъ служилъ во всемъ въ правду Россіи, онъ искалъ правды и оборонѣ народу. Онъ весь для Россіи.

Да, конечно, нужно было какъ-то наладиться, сердце его было уязвлено, крѣпость его расшатана, но онъ не хотѣлъ сдаваться.

Развѣ онъ не знаетъ, что хорошо? И если всю его законность къ чорту, почему шапаевское вольное страданіе хорошо?

„Взять на себя вину, ну, а тотъ подлецъ будетъ по волѣ разгуливать, да еще смѣяться! И это хорошо? Для кого? Для Россіи? И конечно, не сопротивляйся бьющему! Да вѣдь онъ же меня не одного бить-то будетъ, дай ему только волю, только, попробуй, смолчи. И, конечно, люби ненавидящихъ насъ! Люди прощаютъ всякаго подлеца, потому такъ много и подлости. А Россія раздавлена этой исконной своей смолчиво-

стью, отупѣла и озвѣрѣла отъ своей податливости. И это хорошо? Для кого?“

Воздухъ начиналъ спираться, потянуло къ водкѣ.

„Я буду убивать, а другой возьметъ мою вину на себя. А убивать я буду потому, что меня грѣхъ будетъ путать, а противъ грѣха ничего нѣтъ,—на все воля Божья. И совершивъ убійство, я, несчастный, и понесу свою кару въ этомъ несчастіи моемъ. А судья, осудившій меня по закону,—вѣдь меня судить будутъ, вѣдь не начнутъ же всѣ люди среди исконнаго грѣха, въ царствѣ судьбы и грѣха, всѣ до одинаго святымъ житіемъ жить!—судья-то тотъ Налимовъ понесетъ свою кару за осужденіе свое. Для кого? Ради кого? Ради Россіи?“

Водка обжигала и было больно, жгло.

„А что если людямъ все позволить,—спросилъ себя вдругъ Бобровъ,—да такъ позволить, чтобы ужъ все было можно, хоть только на одинъ единственный день?“

И отвѣтилъ:

„Люди вообще существа грубые и глупые и лютые, и за одинъ день, за одинъ-то день, пожалуй, и ничего бы не сдѣлали: соблазнъ такъ былъ бы великъ, не знай, за что взяться, растерялись бы... Ну, а я, чтобы такое сдѣлалъ я въ этотъ одинъ единственный день?“.

Бобровъ зажмурился и долго такъ сидѣлъ.

— „Знаю, знаю, все знаю!“—шепталъ онъ, и снова въ памяти его прошла та послѣдняя ночь.

Часъ подходилъ къ клубному разгону.

Тамъ Василиса Прекрасная томила, пьяное виномъ, клубное сердце горѣло сердцу звѣздой далекой.

Снаружи загрохотала ставня—клубные пріатели возвращались на ночлегъ мимо Бобровскаго дома, и отъ удара кольнуло въ сердцѣ.

На малую минуту сердце остановилось.

„Вотъ онъ, и конецъ!“—мелькнуло въ душѣ и сразу такъ много забылось, какъ странно, и даже заветная тетрадь его съ обличіемъ и проклятіемъ народу, за творённомъ родному народу, которой держалась вся его сила и крѣпость, будто ее и не было никогда, и наступилъ покой безсилья: воля Господня буди во всемъ!

А сердце опять застучало, какъ всегда стучить, но онъ ужъ не рѣшался пошевелиться, стало страшно, и страшно и больно, что вотъ и опять схватить!

Въ углу висѣлъ образъ, тотъ самый отцовскій, передъ которымъ когда-то отецъ молился, Богородица—Величитъ душа моя Господа.

„Между людьми и Богомъ есть ниточки!“ — вспомнились Боброву слова Шапаева, и голова его вдавилась въ плечи, какъ у отца, когда старикъ молился.

— Пресвятая Богородица, спаси насъ!

И вдругъ ему совѣстно стало, поспѣшно онъ налилъ еще стаканъ, и, какъ подоженный, вскочилъ съ мѣста:

— Да на кой чортъ этому народу законность твоя! Ни ты ему, ни онъ тебѣ не нуженъ. Беззаступный, бунташный... проклятый народъ! — и привычно Бобровъ поднималъ кулакъ, свою палку—законъ—смертоносное знамя, крестъ воздвизалый, стягъ свой — крестъ и проклетіе: съ нимъ и пойдетъ онъ одинъ, отколовшись отъ всего народа, одинъ, на край свѣта по пути нѣ, гдѣ людей нѣтъ—откатный камень.

А въ душѣ его все перевертывалось — въ безвѣстномъ и тайномъ сердца его. И была душа его, какъ разодранный платъ.

Подъ нимъ земля шаталась. И больно жгло.

Да у него все горитъ, умъ горитъ, сердце горитъ, душа горитъ. Это Суховъ, поджигатель, поджегъ!

Бобровъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, глотнулъ еще—до дна, и стало какъ-будто отлегать.

Осторожно дошелъ онъ до дивана, потушилъ свѣтъ.

Когда въ Петербургѣ еще студентомъ Бобровъ захворалъ той обычной, считающейся легкой болѣзнью, о которой принято говорить не больше, чѣмъ о какомъ-нибудь пустяшномъ насморкѣ, и послѣ доктора вечеромъ шелъ домой по Невскому, какъ-то чувствовалъ онъ себя со всѣми близко: такъ много встрѣчалось подпорченныхъ и съ грѣшкомъ, какъ и онъ, всѣ ему братья и сестры... И какъ было бы хорошо завтра вдругъ явиться ему въ клубъ и тамъ провести вечеръ, какъ всѣ, со всѣми. И все помирилось бы въ добромъ духѣ, по хорошему, и ужъ пошла бы жизнь хорошая и прохладная и веселая, безскорбная, безъ кручины.

Или къ Ѳеничкѣ пройти ему въ гости?

И вотъ подѣ клубное счастье, которое изливалось на его душу, какъ нѣкій чистый елей—блудное мѣро, съ мыслью о Ѳеничкѣ гулящей онъ повалился, и горкій сонъ забралъ его.

Мутенъ, горекъ сонъ приснился Боброву. Студилось ему, въ домѣ новая прислуга у нихъ, здоровая дѣвка, какъ Василиса, и входитъ она будто въ его комнату, а въ рукахъ держитъ большія ножницы и стрекочетъ, наигрываетъ она ножницами, какъ парикмахеръ Юлинъ — Гришка Отрепьевъ, когда стричь собирается.

Ближе, все ближе подходитъ къ нему эта дѣвка. И чѣмъ ближе она подходитъ къ нему, тѣмъ безпокойнѣе ему.

И темный страхъ напалъ на его.

Онъ скорчился весь, вобрался, стиснулся—рука къ рукѣ, нога къ ногѣ.

— Помилуй меня!

— Не помилую.

— Спаси меня!

— Не спасу тебя, лютый.

— Пощади меня!

— Нѣтъ пощады.

Нѣтъ ему пощады! И онъ мечется, вертитъ головой, а дѣться ему некуда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С Т Р А Д Ы.

Утромъ въ обычный часъ всталъ Бобровъ, уныль и немощенъ, измученный сномъ.

Ледяная вода не помогла ему: весь онъ осунулся, охудѣлъ, опустился, все тѣло ныло, словно палками отколотили его, и все ему было обузно.

„Вотъ если бы ему въ Парижъ, въ Парижъ ему уѣхать!— хватался онъ за послѣднюю соломенку, — тамъ бы и жить, и никто бы не зналъ о немъ. Тихо прожилъ бы онъ свои послѣдніе дни. Тамъ такой воздухъ легкій! По вечерамъ онъ слушалъ бы звонъ, какъ вызваниваютъ часы въ Сорбоннѣ, въ Сенатѣ, у Санъ-Сюльписа...“—и онъ сталъ прислушиваться, словно и въ правду услышитъ — изъ города счастья, столицы міра дойдетъ до него вѣсть, и на минуту до боли ясно представился ему Парижъ: пасмурный, сѣрый вечеръ въ маѣ...

А ученая канарейка выпѣвала гимнъ, нашъ русскій народный гимнъ.

Бобровъ поднялся.

Трудно было одѣться. Онъ чувствовалъ, какъ форменный сюртукъ его давить, а фуфайка шерстила, драла грудь и спину, словно парамантъ надѣтъ былъ на немъ проволочный съ гвоздиками—вериги игольчатая.

Черезъ силу спустился Бобровъ внизъ, въ камеру.

Письмоводитель Пармѣнъ Никитичъ въ своей голубой рубашкѣ-фантазіи ужъ сидѣлъ за столомъ, и короткія штаны его еще выше были поддернуты: на волѣ была невылазная грязь и, хоть подсушило, да предусмотрительность никогда не мѣшаетъ.

День начался, какъ всегда: переписка, бумаги, потомъ стали приходить свидѣтели.

Отецъ поссорился съ сыномъ,—мирили.

— Поклонись ему въ ноги, мерзавецъ, голова не отвалится! Ну, а ты прости его!—училъ Пармѣнь Никитичъ.

А Боброву было какъ-то все равно, и что ни говорилъ Каріевъ, и хотъ лбами ихъ сталкивай, все равно и не для чего.

Урядникъ привелъ арестанта. Надо было слѣшно допросить. А это было привычно и легко Боброву, и съ арестантомъ онъ скоро управился.

Наступилъ перерывъ.

Пармѣнь Никитичъ вышелъ, а Бобровъ остался одинъ за своимъ столомъ.

И чай его остылъ, а онъ и не пошевелинулся, какъ сѣлъ, такъ и сидѣлъ. Тяжело думалось, темно и тяжело и такъ, ни о чемъ, что попадется.

И почему то вспомнилось ему одно дѣло, такъ пустяковое, въ газетѣ вычиталъ.

Гдѣ-то, во Владивостокѣ судили китайца. Плохо что зналъ китаецъ по-русски, а понималъ и того меньше. Судили китайца безъ переводчика. Судили китайца за то, что онъ брюки укралъ. „Укралъ ты пару брюкъ?“—спрашиваетъ судья. „Одинъ брука“,—твердо отвѣчаетъ китаецъ. „Укралъ ты одинъ брука?“—„Укралъ“. Ну, судья читаетъ обвиненіе: „За кражу пары брюкъ такой-то приговаривается къ наказанію“. Какъ, за пару брюкъ? Китаецъ недоумѣваетъ, понять ничего не можетъ, не хочетъ покориться. „Одинъ брука!“—вырывается изъ души его отчаянный крикъ, кричитъ китаецъ, а ужъ приговоръ вошелъ въ силу и китайца ведутъ.

— Одинъ брука!—глотнулъ Бобровъ воздухъ: кольнуло въ сердце, и затаился.

На подоконникѣ сидѣла галка,— глаза у галки были бѣлые.

Какъ прикованный, смотрѣлъ Бобровъ на галку и не могъ оторваться отъ ея бѣлыхъ глазъ.

Галка сидѣла, не улетала. Галка уставилась на Боброва бѣлыми глазами.

И ознобъ побѣждалъ по тѣлу.

„Окно закрыть надо,“ — подумалъ Бобровъ, и не всталъ, а только зажмурился.

А въ глазахъ стояли двѣ бѣлыя точки, и въ сердцѣ кололо.

„Безъ переводчика, всѣ мы безъ переводчика... Судья приговариваетъ, а мы недоумѣваемъ, кричимъ, да поздно... — схватился Бобровъ за китайца, думая, должно быть, китайцемъ прогнать галку, а и съ закрытыми глазами все ее одну видѣлъ: галка тихо сидѣла на подоконникѣ, уставившись прямо на него бѣлыми глазами, — да, безъ переводчика... и съ какимъ возмущеніемъ, жестоко, несправедливо осужденные, идемъ мы въ тюрьму! Пара брюкъ?..“

— Одинъ бреука! — вскочилъ отъ боли Бобровъ.

Пармѣнъ Никитичъ на цыпочкахъ затворялъ окно. Штаны его были еще короче, широкія разношенные резинки оттопыривались, и видны были сѣрые нитяные носки.

И опять начались дѣла.

Бобровъ дѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы хоть какъ-нибудь держаться, — смотрѣть на него было больно, — и опять подписывалъ бумаги — рука сама собой водила, и опять допрашивалъ, — привычно складывались вопросы.

Приходили какіе-то мужики и бабы, какъ сквозь сонъ, во мглѣ проходили они передъ Бобровымъ. Вонь прѣлью полушубковъ ошибала его.

Тяжко, медленно шли часы.

Наконецъ, постороннихъ никого не осталось. Ждать больше некого. Пармѣнъ Никитичъ отворилъ форточки, подвязалъ себѣ калоши, и можно было молча, какъ всегда, разойтись.

Въ это время въ камеру вошелъ десятскій съ пакетомъ:

— Урюпинскій земскій начальникъ Крупкинъ застрѣлилъ жену.

Бобровъ сунулъ пакетъ въ карманъ, но вмѣсто того, чтобы послать за лошадьми, медленно поднялся къ-себѣ.

Въ кабинетѣ Александра Ильича подъ знаменитымъ косымъ его ковромъ двѣнадцати шерстей разныхъ волковъ, у грамофона сидѣлъ послѣ обѣда самъ Александръ Ильичъ да членъ управы Рогаткинъ.

— Носъ чешется!—подмигнулъ Александръ Ильичъ.

— Водку пить.

— Съ удовольствіемъ.

— А ну-ка разведи чего-нибудь еще повеселѣе!—Рогаткинъ, ухмыляясь въ бороду, сіялъ, какъ самоваръ.

И граммофонъ трещалъ во всю.

И Александръ Ильичъ и Семенъ Михеичъ оба были довольны.

Дѣло Рогаткина, о которомъ онъ пришелъ потолковать съ исправникомъ,—какая-то казенная поставка, уладилось къ обоюдной выгодѣ: Рогаткину—въ карманъ, да и Марьѣ Северьяновнѣ не будетъ обидно,—Чортовымъ садамъ не уронъ, а пополненіе, живи, не печалься!

Давно было пора итти въ клубъ. Тамъ будутъ и вспрыски для этакова случая и разрѣшить не грѣхъ. И Александръ Ильичъ чихалъ, какъ песъ, отъ удовольствія.

Въ самый разъ попали пріятели въ клубъ.

Тутъ всѣ были въ сборѣ: и самъ старшина Иванъ Θεоктистовичъ Богоявленскій, и судья Налимовъ Степанъ Степанычъ, и земскій начальникъ Николай Васильевичъ Салтановскій—Законникъ, и акцизный Шверинъ Сергѣй Сергѣичъ—Табельдотъ, и агрономъ Пряткинъ Семенъ Ѳедоровичъ—Свинья, и секретарь управы Василій Петровичъ Нѣмовъ, и податной Владимиръ Николаевичъ Стройскій—Донъ-Жуанъ, и почтмейстеръ Аркадій Павловичъ Ярлыковъ, и лѣсничій Кургановскій Эрастъ Евграфовичъ—Колода, и Анна Саввиновна Шверина, и Катерина Владимировна Торопцова—Лизабудка, и Прасковья Ивановна Боброва, слѣдовательша, и самъ Иванъ Никанорычъ Торопцовъ, успѣвшій усидѣть, если и не всѣ девятнадцать, то ужъ во всякомъ случаѣ, не меньше дюжины.

Всѣхъ занимала послѣдняя новость: земскій начальникъ Крупкинъ, застрѣлившій жену, какъ зайца. И эта новость даже заслонила Бѣлозеровскій скандалъ съ Василисой Прекрасной.

Крупкинъ, наѣзжая въ Студенецъ, всегда бывалъ желаннымъ гостемъ. Не молодой ужъ, но крѣпкій, съ военной выправкой, сманилъ онъ своимъ птичьимъ глазомъ жену у Салтановскаго—Законника, а главное, славился своей охотой,—страстный охотникъ, держалъ онъ девять борзыхъ и пользовался первой порошей, чтобы травить зайцевъ. И такъ его всѣ боялись,

что никто не осмѣливался бить зайцевъ. А сталося вотъ что: въ Урюпино къ старостѣ изъ Петербурга пріѣхалъ сынъ солдатъ, привезъ съ собой ружье и началъ нещадно бить зайцевъ. Узналъ Крупкинъ и засудилъ солдата: присудилъ къ двадцатипяти рублямъ штрафа, да еще и на выsidку. Солдатъ подалъ въ сѣздъ, а сѣздъ смягчилъ приговоръ по закону. Заплатилъ солдатъ штрафъ и снова принялся за зайца. А за нимъ и другіе. Възбѣленился Крупкинъ, засыпалъ всѣхъ штрафами. А тѣ—въ сѣздъ. Тутъ еще и губернское присутствіе вмѣшалось, бумага за бумагой, чуть до дисциплинарки не дошло по жалобѣ сѣзда.

— Крупкинъ остервенѣлъ,—разсказывалъ Петруша,—знай штрафуетъ за cadaго зайца по четвертной, а зайцы прыгали у него ужъ вотъ гдѣ! А ночью и сна нѣтъ, такъ изъ угловъ и лѣзутъ, грудой сидятъ бѣлые, сѣрые, всякіе. И померещилось ему ночью, прыгнулъ на кровать къ нему заяцъ, онъ за ружье, нацѣлилъ, да какъ вдарить... А чиркнулъ спичку, по кровати кровь,—весь зарядъ всадилъ въ жену.

Дамы охали и ахали.

А Петруша и тутъ не удержался и, обращаясь больше къ дамамъ, къ слѣдовательшѣ въ особенности, пустился разсказывать о какой-то заячьей шерсткѣ, которая будто бы можетъ погубить вѣрнѣе всякаго зайца.

Въ воздухѣ густѣло.

Разговоръ изсякалъ,—дурацкая минута,—пора заняться Бобровымъ.

Конечно, слѣдовательская ошибка съ поджигателемъ взята была на зубокъ. Чистымъ елеемъ—небеснымъ мѣромъ возліялась на душу завѣтная мысль, что слѣдователю ужъ конецъ, дастъ Богъ, уберутъ изъ Студенца.

И какимъ злоторцемъ—хищникомъ, волкомъ, губителемъ вставалъ въ разгоряченномъ воображеніи Бобровъ.

— Ишь ты, маху, нашъ голубчикъ, далъ!

— Скапустился!

— На шишу остался!

— Зададутъ ему феферу съ фернопиксомъ!

— Такъ и надо!

Такъ и ему и надо! —подхватили хоромъ пріатели.

Кто-то предложилъ выпить за Бобровскую ошибку.

Появился милефоль и кричали ура.

И все было хорошо, а чего-то не хватало. Ну, чего же?

Въ Колпакахъ, въ чайной у Двигалки на тѣсной хозяйской половинѣ сидѣли за самоваромъ сама хозяйка Двигалка, Геннашка да Тихвинская монашенка мать Асенефа.

Геннашка пилъ съ двѣнадцати ключей волшебную воду, прикусывая вмѣсто сахара Богородицынъ хлѣбецъ. Всякій Божій день пилъ Геннашка по восьми чашекъ. Двигалка сама приготавлила ему воду:—двѣнадцать ключей отъ комодовъ, шкаповъ и сундуковъ, мыломъ вымытые начисто, клались въ воду, вода съ ключами нагрѣвалась до тѣхъ поръ, пока не закипала ключомъ, и тогда готово, а вкусъ противный, ржавый. Пилъ Геннашка эту воду, а мучился по-старому.

Мать Асенефа пила чай съ принудкой, и ужъ второй самоваръ ставили для гости. Мать Асенефа рассказывала о чудотворной лампадкѣ, что чудодѣйствуетъ и цѣлебы даруетъ.

Главная святыня въ монастырѣ—чудотворный образъ Тихвинской Божьей Матери. Къ иконѣ ставятъ свѣчки и теплятся много лампадокъ, и есть одна неугасимая царская лампадка.

Приѣхалъ въ монастырь на богомолье Бабахина предводителя небельмейстеръ и усердія ради поставилъ свѣчку въ двадцать копеекъ. А мать Асенефа при иконѣ стоитъ, за порядкомъ наблюдаетъ, вотъ и рѣшила монашка, чѣмъ масло жечь, оставить она небельмейстерскую свѣчку на ночь горѣть, а неугасимую лампадку потушить.

—Потушила я, матушка, лампадку,—рассказывала мать Асенефа,—заперла соборъ и пошла за всенощную въ теплую церковь. Стою я, матушка, за всенощной и взяло меня раздумье: „Какъ же такъ, думаю себѣ, лампадка царская негасимая, а я покупила, загасила?“ И такъ себѣ раздумалась, молитва не идетъ на умъ, не молится. „Не хорошо, думаю, я такъ сдѣлала!“ Да скорѣе въ соборъ. Отперла я соборъ, гляжу, а лампадочка горитъ. Царица Небесная сама дала осіяніе—седмисный пламень! А меня опять грѣхъ: „Дай, думаю испытаю,“—взяла, да и за-

тушила. Затушила я лампадку, заперла соборъ, и пошла къ себѣ въ келью. Прихожу на утро, а лампадка горитъ...

А Двигалка, поддакивая монашенкѣ, довольная, что запугала Геннашку на вѣки вѣчныя, отвдила мужика отъ работницы, знай, свое хвастала:

— Мнѣ, матушка, родить, !—и такому уподобляла дѣянію, отчего мать Асенефа только благочестиво кашляла,

А Геннашка пилъ свою ключевую воду и все думалъ и думалъ—кого ему напередъ порѣшить, Васику работницу или жену Двигалку, да не прихватить ли за одно и чудотворную мать Асенефу?

Противъ бѣлаго каменнаго острога, противъ оконъ рѣшетчатыхъ, у забора стояли три женщины, тѣ, что сами приходятъ. Студеный былъ день, а ночь начиналась холодная и звѣздная съ вѣтромъ. А онѣ все стояли, не уходили, и подъ осеннимъ упорнымъ вѣтромъ.

Въ верхнемъ окнѣ за желѣзной рѣшеткой тускло свѣтила тюремная желтая лампа. Тамъ за рѣшеткой трое сидѣло: осужденный за поджогъ Суховъ, поджигатель Балякинъ и старецъ Шапаевъ,—и разобрать было трудно, кто изъ нихъ старецъ, кто поджигатель, кто осужденный.

Женщины стояли истомно.

Выль вѣтеръ, звѣзды въ ночи мерцали—Божьи свѣтильники, осеннія звѣзды, холодныя, какъ сама ночь.

Кто ихъ измолить, кто поведетъ путемъ спасеннымъ, кто избавить, кто изметъ отъ Судіи страшнаго отвѣта, муки вѣчныя и грозныя?

Седмерыми смертоносными грѣхами онѣ согрѣшили, онѣ согрѣшили отъ начала и до конца, отъ земли до небесъ, отъ земли до бездны, отъ юга до сѣвера, отъ востока до запада, и грѣхозъ ихъ больше, чѣмъ звѣздъ nocturnыхъ и листа древеснаго больше, чѣмъ травы земной и песка морского, и камней, и деревъ, и звѣря, и скота, и птицъ, и рыбъ, и больше, чѣмъ въ морѣ волнъ и капель дождевыхъ и человѣкъ и всей твари отъ начала вѣка и до конца: алчнаго не накормили, жаждущаго не напоили. путника страннаго не ввели въ домъ, нагого не при-

ѣли, больного не посѣтили, въ темницу къ сидящему не пришли.

И неисходно онѣ молились въ долгую ночь подѣ холодными звѣздами.

И имѣ видѣлся старецъ, любимый и любимый, вѣдующій тайная сердець ихъ, непоступно въ самосіянномъ свѣтѣ превышняго третьяго неба беззвѣднаго—неба небесе скорбно стоялъ въ воздухѣ старецъ.

— Господи, защити и помилуй! Господи, покажи милость! Господи, согрѣй сердце! Господи, да Ты слышишь ли?

А за бѣлымъ каменнымъ острогомъ на старомъ кладбищѣ вѣтеръ гулялъ. Вѣялъ вѣтеръ, вылъ, вился вокругъ крестовъ гнилыхъ, и, какъ въ полѣ зрѣлый отягченный колось, преклонялись кресты, и одинъ лишь крѣпко стоялъ, какъ поставили, стоялъ, не воротилъ головы тяжелый памятникъ студенецкаго купца Максима Иванова:

Подъ камнемъ симъ
Лежитъ купецъ Ивановъ Максимъ,
Имъ бы жить да наслаждаться,
А они изволили скончаться.

Нюша Крутикова дремала у аппарата и подѣ выстукиванія его дремалось сладко. И вдругъ подпрыгнула Нюша, словно Вася Кабанчикъ, кольнулъ ее. Лента шла и крутилась, какъ и всегда, но слова выходили не всегдашнія: телеграмма изъ Лыкова исправнику Антонову шифрованная!... Ласточкой метнулась Нюша передать новость сосѣду, а сосѣда нѣтъ.

Вышелъ Вася Кабанчикъ провѣтриться—звѣздная ночь—сталъ Кабанчикъ, да такъ и залюбовался собой.

Подушечка, подушечка,
Подушечка пуховая...

—тихо пѣли бобровскія барышни: Пана, Анюта, Катя и Зина подблюдную пѣсню подушечку, поютъ ее на дѣвичникахъ, да на вечерахъ, когда къ невѣстѣ пріѣзжаетъ женихъ, тихо пѣли барышни, и голоса ихъ томились.

Кого люблю, кого люблю, поцѣлую,
Тебя, моя подушечка, подарю я.

Въ форменномъ тяжеломъ сюртукѣ, въ каменныхъ воротничкахъ,—въ игольчатомъ жгучемъ парамантѣ лежалъ на диванѣ Бобровъ.

Онъ, какъ поднялся къ себѣ, какъ прилегъ на диванъ, такъ и лежалъ.

На столѣ горѣла свѣча. Пламя ея колебалось—вѣтеръ гулялъ за окномъ.

Не открывая глазъ, лежалъ Бобровъ. Ознобъ обжигалъ его. И хотѣлось встать, закутаться потеплѣе и попить,—хоть бы одинъ глотокъ,—но онъ лежалъ и не могъ позвать.

Мысли шли по своей волѣ, сердце стучало и замирало по своей волѣ, а его воля была самой послѣдней.

И изъ послѣдней воли своей онъ не хотѣлъ никого звать.

Въ памяти его подымались завѣсы: такое далекое и забытое, случайное, проходило передъ нимъ, но такое кровное и съ болью утраты невозвратной.

Почему-то вспомнился ему протоколъ, писалъ онъ этотъ протоколъ незадолго до женитьбы своей, будучи лыковскимъ кандидатомъ: на лыковской станціи въ багажномъ отдѣленіи найдена была корзина, въ корзину оказалась убитая женщина.

Слово въ слово выжигались слова:

„Убитая довольно полная женщина, на видъ ей лѣтъ тридцать пять. Лежитъ съ повернутой головой. На ней черная кофточка моднаго покроя, двѣ юбки. На ногахъ модные ботинки со шнурками. Когда была поднята лѣвая рука убитой, по корзину поползли громадныя черви...“

И вдругъ ему стало ясно, что убитая въ корзину—это жена его, Прасковья Ивановна, Паши.

Какъ это просто,—подумалъ онъ,—перстная земля, какъ всѣ, какъ я, а я то...“

Но ужъ память другую подымала завѣсу, не давая ему ни перевести духа, ни одуматься, ни сообразить. Кто-то выше его воли, сильнѣе и крѣпче, не спрашиваясь, хочетъ онъ или не хочетъ, распоряжался надъ нимъ по-своему.

Какъ это давно было! Онъ сидитъ въ трамваѣ, къ Смольному ѣдетъ, а противъ него женщина въ черной плисовой кофтѣ:

лицо, какъ морковь, и носъ, какъ морковь, красная вся, вспухлая отъ слезъ, въ рукахъ икона—Божія Матерь, да, да, Божія Матерь—Величить душа моя Господа, крѣпко обѣими руками она держитъ ее, прижимаетъ ее къ груди, а сама все покачивается, какъ пьяная, и глаза опущены въ землю на дырavyя полусапожки. И вдругъ кричитъ: „Берите меня, куда хотите!“

— Берите меня куда хотите!—кричитъ она послѣднимъ голосомъ послѣдняго отчаянія.

— А вамъ куда надо? Куда ѣдете?

— На Петербургскую.

— Эка, на Петербургскую!

Да ты не въ ту сторону, совсѣмъ не въ ту сторону.

Кого люблю, кого люблю, поцѣлую,
Тебя, моя подушечка, подарю я.

—стонуть голоса: бобровскія барышни за стѣной поютъ—томились голоса ихъ.

— Берите меня, куда хотите!—на крикъ кричитъ женщина и вотъ подняла глаза изъ муки, измученныя, какъ у матери, качается, какъ пьяная, Василиса Прекрасная.

И вдругъ Боброву совсѣмъ ясно, что не мать, не Василиса Прекрасная, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, это онъ стонетъ... И его послѣдняя воля собираетъ послѣднія силы, чтобы было совсѣмъ неслышно, совсѣмъ тихо...

— Папа, тебѣ плохо?—Катя, третья дочь его, прокурорская, вошла въ комнату.

— Ничего,—Бобровъ поднялъ глаза,—Катя, я... ничего!—и повернулся лицомъ къ стѣнѣ и ужъ все будто повернулось въ немъ.

Онъ въ камерѣ у судьи. Онъ, Бобровъ, стоитъ передъ судьей. Налимовъ судья судить его. Но изъ того, что говоритъ судья, плохо что понимаетъ онъ: Налимовъ, хоть и по-русски говоритъ, да какъ-то по-своему, трудно разобрать. И одно только ясно ему, что его, судебного слѣдователя, статскаго совѣтника Боброва судятъ. Да, онъ виновенъ, онъ ошибся. И вотъ судили. Какъ! За одну ошибку и такъ жестоко? И онъ хочетъ что-то сказать въ свое оправданіе, хочетъ оправдываться, да ужъ

поздно: судья снимаетъ цѣпь. А какіе-то китайцы схватили его подъ руки...

Одинъ бреука!—рванулъ, глотнулъ Бобровъ воздухъ.

И сердце похолодѣло, стало сердце.

И тихо стало въ комнатѣ, тише, чѣмъ всегда. Пламя колебалось—вѣтеръ гулялъ за окномъ.

Не пѣли барышни,—присмирѣло за стѣной въ ихъ горячихъ дѣвичьихъ думахъ, не томились голоса ихъ свадебной пѣснью.

Широкій и гулкій, нашъ разбойный вѣтеръ, вѣтровы пѣсни томились... сердце томилось, море томилось... тамъ море—море-ль мятется, тамъ зной горячи—земля изсыхаетъ, не дожидать небеса, увядаютъ ли травы, тамъ мука—плачь ли безмѣрный, стenanія, крикъ непрестанный, тамъ страсть неуголима, гроза, пагуба нескончаема, вопль неутѣшимъ?—вѣтровы пѣсни томились, вѣтеръ разбойный гулкій широко гулялъ.

— Папа!—окликнула Катя.

Но ей никто не отвѣтилъ, только пламя метнулось.

И жутко такъ тишина томила.

Неслышно подошла Катя къ дивану, не дыша, наклонилась.

— Папочка! Родной! Папочка!—и отшатнулась.

Съ открытыми окаменѣлыми глазами въ форменномъ тяжеломъ сюртукѣ жалко такъ лежалъ Бобровъ, и паръ шелъ изъ его рта.

1912 г.
с. Бобровка.